

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

***Филологический факультет:
вехи большого пути***

к 85-летию ДГУ

Махачкала 2016

Печатается по решению Совета филологического факультета
и кафедры русской литературы
Дагестанского государственного университета

Редакционная коллегия:

*профессор кафедры русской литературы Мазанаев Шабан
Абдулкадырович*

*доцент кафедры русской литературы Пашаева Татьяна
Низамовна*

*доцент кафедры дагестанских языков Чалаева Патима
Шамильевна*

*доцент кафедры русской литературы Гаджиева Альбина
Абдурахмановна*

Книга посвящена 85-летию Дагестанского государственного университета. В нее вошли воспоминания о тех преподавателях, которые участвовали в становлении и формировании филологического факультета, и тех, кто продолжает плодотворно работать и сегодня.

СОДЕРЖАНИЕ

I.

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ ФАКУЛЬТЕТУ

II.

А.М. ВАГИДОВ: ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ
Б.О. АЛИБЕКОВ: ПЕДАГОГ, УЧЕНЫЙ И ПИСАТЕЛЬ
ХРАНИТЕЛЬ СКАЗОЧНЫХ СОКРОВИЩ (А.Ф. Назаревич)
ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО (З.А. Магомедов)
ЖИЗНЬ В ЛИТЕРАТУРЕ (К.И. Мегаева)
ОН БЫЛ САМОРОДКОМ (З.С. Арухов)
БЕСЦЕННЫЙ НАСТАВНИК (А.И. Агеева)
ГОЛУБАЯ РОЗА (Н.В. Мелик-Саркисова)
О НИНЕ ВИКТОРОВНЕ МЕЛИК-САРКИСОВОЙ
АРИСТОКРАТ ОТ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (Г. Г. Ханмурзаев)
САМСОН НАУМОВИЧ БРОЙТМАН
МОИ НАСТАВНИКИ, МОИ КОЛЛЕГИ
УХОДЯТ... ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ
МОИ УЧИТЕЛЯ
ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУКЕ (Г.И. Мадиева)
РАДЖИДИН ИДАЯТОВИЧ ГАЙДАРОВ
УНИВЕРСИТЕТ В СУДЬБЕ М.-С. ГУСАЕВА
УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ЛИЧНОСТЬ (Б.И. Скупский)
ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А.-Г. ГЮЛЬМАГОМЕДОВА
ЛИНГВИСТ ВЫСОКОГО КЛАССА (Д.М. Хангишиев)
ПАМЯТИ Г.А. ДОМАШЕНКО

III.

ЛИТЕРАТУРОВЕД ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО МАСШТАБА
(Н.А. Горбанев)
КАМИЛЬ ГАМИДОВИЧ ХАНМУРЗАЕВ
«В ГРЕЦИИ ПОБЕДИЛ АПОЛЛОН. А ЧТО ЖДЕТ НАС?»
СЛОВО О ДРУГЕ И КОЛЛЕГЕ (Г.Г. Гашаров)
МЕТОДИСТ И ЛИНГВИСТ (К.Э. Джамалов)
ВОСЬМИДЕСЯТАЯ ВЕСНА (А.-К. Ю. Абдуллатипов)
ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ СИВРИДИ

*Алиева Р.Р.,
доцент кафедры русской литературы ДГУ,
Почетный работник высшей школы РФ*

I.

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ ФАКУЛЬТЕТУ

В преддверии юбилея нашего университета, ставшим классическим университетом международного уровня, видным российским центром образования и науки, возникает потребность обратить внимание на тех из его выпускников, кому удалось добиться больших успехов в науке, педагогической деятельности, в жизни. Ведь они становятся лицом вуза, его лучшим брендом. Одним из них, несомненно, является заведующий кафедрой русской литературы, декан филологического факультета Шабан Абдулкадырович Мазанаев. Вся его сознательная жизнь прошла в стенах родного университета. Здесь он стал высоким профессионалом, сформировался как личность, оказался причастным ко многим его достижениям.

Шабан Абдулкадырович родился 8 февраля 1949 года в многодетной семье сельского учителя Абдулкадыра Шабановича Мазанаева и жены Гюльжаган Каидовны. Окончив начальную школу в родном селе Буршаг Агульского района, он продолжил учебу в Тпигской средней школе, по завершении которой поступил в 1966 году на филологический факультет Дагестанского университета. Здесь в полной мере раскрылась искренняя увлеченность студента проблемами советской

литературы и литературоведения, пробудился интерес к работе Научно-исследовательского института фольклора и литератур народов Дагестана, руководимом незабываемым Александром Федоровичем Назаревичем.

В 1971 году Шабан Абдулкадырович с отличием окончил филологический факультет ДГУ, затем служил офицером ВСССР на Дальнем Востоке, работал военным корреспондентом армейской газеты. Демобилизовавшись, он возвращается в ДГУ, трудится на разных должностях, одновременно занимается исследованием совершенно не изученной русскоязычной дагестанской литературы. В 1979 году успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Национальное и интернациональное в русскоязычной литературе Дагестана» в лучшем вузе страны – Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. В 1997 году там же блестяще защищена им докторская диссертация по двум филологическим специальностям: русская литература и литература народов Российской Федерации – «Двуязычное художественное творчество в системе национальных литератур».

С 1989 года доцент, а позднее профессор Мазанаев работает на кафедре русской литературы, в 1987 году он избран деканом филологического факультета.

Актуальной литературоведческой проблеме двуязычного творчества посвящено большинство научных исследований ученого (всего их около 200): монографий, статей, учебных пособий. Начав её изучение с дагестанской литературы и отразив это в монографии «Русскоязычная литература Дагестана» (1984), он продолжил уже в масштабе русской классической и мировой литератур XIX-XX веков (от И.С.Тургенева до В.Набокова и И.Бродского). к разработке проблемы двуязычия оказались привлечены сотрудники, аспиранты, магистранты, студенты нескольких литературоведческих кафедр филологического факультета, они стали участниками грантов. Не случайно поэтому, а естественно и закономерно профессор Мазанаев становится крупнейшим специалистом по двуязычной словесности, основоположником и руководителем признанной и эффективной научной школы в литературоведении.

Под его научным руководством защищено более 25 диссертаций не только научными работниками Дагестана, республик и областей Юга России, но и Москвы, некоторых зарубежных стран. Ряд монографий профессора Мазанаева рекомендованы в качестве учебных пособий для общих курсов, спецкурсов, читаемых в Московском госуниверситете с 1997/98 годов, таких как «История литератур народов России», «Двуязычное художественное творчество в XX веке» и др.

Глубина, разносторонность и масштабность филологической одаренности ученого проявились и в том, что он стал основателем письменности на своем родном агульском языке, собирателем и первым исследователем агульского фольклора и литературы. Он автор первого «Русско-агульского словаря» (2012), «Агульско-русского словаря» (2014), книг о песенном творчестве агулов (2011), об агульском фольклоре (2014), а научная монография «Агульская литература», вышедшая в 2008 году, стала поистине своеобразной энциклопедией письменной культуры агульского народа. Она состоит из аналитических глав, в которых впервые раскрываются процессы становления и развития агульской литературы, а также этапы творческой деятельности её отдельных представителей. Активное участие принял профессор Мазанаев в издании фундаментального труда «Агулы в XIX – начале XX века. Историко-этнографическое исследование» (2008). Его продолжением стала книга, изданная в 2015 году в Париже на французском языке «Говорим по-агульски» и содержащая около 300 страниц.

В настоящее время профессор Мазанаев находится в состоянии расцвета своего незаурядного таланта ученого, педагога, организатора науки, общественного деятеля. Он руководит и участвует в реализации крупных научных проектов, осуществляемых ведущими научными и образовательными центрами Дагестана и России: «Фундаментальные исследования высшей школы», «Развитие научного потенциала высшей школы», ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», «Программы стратегического развития ДГУ» и др., сам выступает инициатором Международных и Межрегиональных научных конференций по проблеме жанра в

филологии Дагестана, является директором Научно-исследовательского института фольклора, литературы и журналистики ДГУ, руководителем научно-образовательного центра «Языки и литература народов Северного Кавказа», председателем диссертационного Совета К212.053.03 Даггосуниверситета, возглавляет Дагестанское отделение Ассоциации преподавателей русского языка и литературы высшей школы РФ. Он тесно сотрудничает с Администрацией Президента Российской Федерации по вопросам преподавания русского языка и литературы.

Академик РАЕН, Заслуженный деятель науки Республики Дагестан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Совета по образованию, культуре и молодежной политике при Главе РД, член Экспертного Совета Комитета Народного собрания РД по образованию и культуре, член президиума регионального общественного движения «Конгресс дагестанской интеллигенции» и других общественных, научных, педагогических организаций, Шабан Абдулкадырович Мазанаев готов к новым свершениям, открытиям в науке, образовании, культуре, педагогической деятельности.

В Шабане Абдулкадыровиче Мазанаеве гармонично сочетаются черты большого ученого, руководителя и высокие нравственные качества: благородство, интеллигентность, внимательное и доброжелательное отношение к людям. Он всегда аккуратно и модно одет, подтянут, приветлив. Он создал прекрасную семью с Людмилой Фейзулаевной Шамсудиновой-Мазанаевой, завкафедрой зоологии и физиологии Даггосуниверситета. Они воспитали достойнейших сыновей – юриста, доцента ДГУ Мурада и экономиста Заура. Их дом – уютный, светлый, гостеприимный. В нем родных и друзей обволакивает атмосфера душевного тепла, отзывчивости и доброты.

В канун общего для нашего вуза праздника – знаменательного Юбилея – хочется пожелать уважаемому Шабану Абдулкадыровичу Мазанаеву новых побед и свершений в науке, множества добросовестных и любознательных студентов, счастья, здоровья и радостей всей семье.

II.

**Аминова Х.М.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры литератур народов Дагестана ДГУ**

А.М. ВАГИДОВ: ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Абдулла Магомедович Вагидов занимает особое место в широкой панораме развития литератур народов Дагестана, его творчество составляет одно из важных слагаемых национальных культурных традиций, которые неизменно питают российскую литературную критику. Его критика сочетает в себе эстетические и воспитательные особенности, в силу чего возрастает ее научная и общественно-культурная значимость. Однако до сих пор научное творчество А.М. Вагидова, идейно-тематическое, жанровое и художественное своеобразие его литературоведческих и критических работ не стало предметом специального исследования. Пришло, наконец, время определить, осмыслить роль его научного творчества в системе общественного сознания, эстетики критического мышления в дагестанском литературоведении.

Свойственная А.М. Вагидову общественно-публицистическая активность в последние годы была связана с его глубокой убежденностью в необходимости изменить социально-политические институты, обновить жизнь. Отсюда его понимание, что «обращение к духовным ценностям, к культурному багажу наших народов, их взаимодействию выходит

за рамки чисто научных, культурологических и культурно-исторических реалий прошлого и настоящего, оно будет способствовать поиску и определению путей решения вопросов, относящихся к развитию всех наций и народностей страны, их экономики, языка и культуры» (1, с. 17).

Особенностями критики А. Вагидова являются чувство современности автора и злободневность звучания. Многие из его выводов и наблюдений о глубинных процессах в поэзии и прозе имеют важный смысл для истории дагестанской литературы, литературного процесса в целом. Этому способствует и то обстоятельство, что А. Вагидов знает предмет и историю дагестанской литературы не по учебникам, а изнутри, долгие годы определяя и направляя литературную политику в республике, неся на своих плечах груз ответственности литературы перед обществом – ответственности не только и не столько художественно-эстетической, сколько нравственно-этической, политической, социально-философской.

В последних работах, вопреки возрастающим в общественном сознании нигилистическим тенденциям, А. Вагидов аргументировано, доказательно отстаивает достижения национальных литератур Дагестана, отказавшись от привычных стереотипов. Почувствовав смену литературного кода, исследователь пытается найти сегодня тот единственно верный «язык», который бы соответствовал и современному тексту, и «духу времени».

В статьях и выступлениях А.М. Вагидова, вошедших в книгу «Поиск продолжается» (2000), которая составлена из разнообразных по теме литературно-критических работ за последние десятилетия, отмечается концептуально новое прочтение и теоретическое переосмысление основных тенденций развития дагестанской литературы XX века. Охват материала обширен, ведь А.М. Вагидов не сегодня стал прилежным действующим литературоведом и критиком – таковым он стал давно.

В фокусе внимания А.М. Вагидова находится творчество наиболее ярких представителей дагестанской литературы. Критик не только выявляет проявляющееся в значительных литературных произведениях единство национального и

интернационального, но и «лица необщее выраженье» разных писателей. «Объективное изучение дореволюционной и советской истории и культуры народов и народностей страны, своеобразия и особенностей развития литературы и искусства, – по мнению А.М. Вагидова, – будет способствовать освобождению населения от ложных представлений, посылок, этноцентристских, националистических подходов при постановке культурно-национальных и социально-экономических проблем» (1, с. 18). Размышляя над новыми концептуальными подходами к изучению дагестанской литературы, А.М. Вагидов определил для себя исследовательскую стратегию, исходя из понимания того, что «социализм в отдельно взятой стране оказался политическим авантюризмом ортодоксальных марксистов, которые не сумели понять своеобразия текущего момента», что «насильственное и некомпетентное строительство нового общества после Октябрьской революции дискредитировало социалистическую идею» (1, с. 27). Исследователь отмечает однобокий подход к изучению произведений периода революции и гражданской войны, воспринимающий литературный процесс этого периода «как одно течение, нацеленное на разрушение старого, мешающего победе нового, торжеству передового» (1, с. 29). Такой подход позволил А.М. Вагидову сделать наиболее объективный, лишенный излишней идеологизации анализ повести лакского писателя Курди Закуева «Обманутая любовь», как определил исследователь, одного из «удачных произведений всей дагестанской прозы начала XX века». Объектом анализа стало вышедшее в 1995 году новое издание повести на русском языке в переводе Качар Гусейнаевой.

Повесть «Обманутая любовь», как ни одно другое прозаическое произведение лакской литературы, многократно подвергалось исследовательской рефлексии. В статьях М. Чаринова, А. Гусейнаева, Э. Кассиева, С. Ахмедова, П. Рамазановой, П. Шабановой повесть получила высокую оценку как произведение, составляющее гордость лакской литературы, получившее общедагестанское признание. Однако А. М. Вагидов нашел свой ракурс анализа произведения, его проблематики, характера конфликта, обрисовки героев. Стремясь приблизиться к пониманию авторского замысла повести, ее особенности и

обособленности в ряду других произведений периода революции и гражданской войны, исследователь следует по пути преодоления вульгаризаторского социологизма, «пресловутой схемы «горцы и революция». Идеологический перекося, требование от писателя «правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии», способствовали тому, что во многих прозаических произведениях дагестанской литературы данного периода на первом плане стояло изображение коллективного героя, народных масс, а персонаж оценивался в зависимости от того, в какой мере он отражал интересы этого множества. В критической литературе нередко наблюдалось воспевание, поэтизация стихийного и разрушительного начал революции. Страницы совсем недавней истории дагестанской литературы, которые теперь нередко представляются не стоящими внимания, получили новое прочтение.

Анализ взаимоотношений героя и масс в «Обманутой любви» переводится А.М. Вагидовым в совершенно иную плоскость. Исследователь главным образом заостряет внимание на воплощении К. Закуевым особенностей психологии, на изображение им духовной жизни личности, внутреннего мира заблудившихся и обманутых Баху и Ибрагима. А.М. Вагидов справедливо отмечает, что автор повести «не увлечен социалистической идеей так, чтобы противоестественно внедрять ее в сознание горцев. Ему важно не только обрисовать социалистическое расслоение Кумуха, но и показать судьбы конкретных людей на фоне этого социального беспредела» (1, с. 288).

Избранный исследователем путь анализа позволил ему подчеркнуть те черты авторской индивидуальности, которые определили лицо литературы того времени. Повесть К. Закуева, по мнению А.М. Вагидова, могла бы стать «предостережением для литераторов, без собственной, оригинальной художественной концепции истории и революции, обратившихся к ответственной теме» (1, с. 290).

Сегодня в связи со сменой нравственных и эстетических координат резко расширилось поле литературной деятельности, литература зажила в свободном пространстве, напрямую общаясь

с читателем. Методы и приемы советской критики оказались абсолютно неприемлемыми к новой пестрой литературе. Сейчас критик уже не может своим «карающим мечом» поощрить или наказать писателя, у него совершенно другие отношения и с читателем. Корректное отношение к автору, к его произведению – один из важных показателей профессионализма А.М. Вагидова. Как современный критик, он в первую очередь информирует читателя о литературных новинках, выступает в роли компетентного читателя, аналитика, в его работах присутствует собственная рефлексия, оценки и рекомендации. К литературно-критической деятельности А.М. Вагидова приложимо высказывание Тургенева: «Именно критик обнаруживает тот опыт и стороны сознания своих современников, что определяют нашу жизнь и культуру. И здесь задачи критики – не «улучшать» литературу и общество, не судить и навязывать рецепты, но обеспечить современников полезным гуманитарным знанием и без споров отойти в сторону, чтобы современники сами разобрались и решили, что им надо» (3).

В своих выступлениях, докладах, рецензиях, статьях о дагестанской поэзии А.М. Вагидов стремится к научной объективности. Не акцентируя внимание на просчетах и неудачах авторов, он пытается выявить доминанты их творческой индивидуальности, поэтическое кредо. Справедливо подчеркнуть, что А.М. Вагидов почти не писал «отрицательной» критики, считая, что нужно писать не о слабых и заслуживающих порицания литературных явлениях, а о подлинно значительных и тем более выдающихся. Для критика важнее всего ответить на вопрос: «Кто они, реальные поэтические величины сегодняшнего дня?» Здесь имена: Юсуп Хаппалаев, Арбен Кардаш, Шейитханум Алишева, Ханбиче Хаметова, Бадруддин... На эту поэзию Вагидов возлагает немалую ответственность: именно здесь просматривается некоторая перспектива, так сказать, надежда на лучшее, не только в связи с их именами и авторитетами. «Современные поэты готовы принять эстафету от представителей старших поколений, так преданно служивших дагестанской литературе» (1, с. 129). Хотелось бы и нам присоединиться к этому оптимистическому выводу.

Поэзия народного поэта Дагестана Юсупа Хаппалаева – не случайный выбор для автора, который не оставляет без внимания почти ни одно из дагестанских изданий на русском языке. Книга «Горячее сердце друга» стала поводом для Вагидова сделать еще один шаг в развитии литературоведческой науки о Ю. Хаппалаеве, имеющий также принципиальное, как нам представляется, значение для истории дагестанской литературы советского периода в целом.

Для определения художественно-теоретической программы А.М. Вагидова особенно важным нам кажется его замечание об усилении интереса в современной дагестанской поэзии к нравственному миру человека, его озабоченность по поводу излишней привязанности иных писателей к архаическому антуражу, традиционной образности.

Однако в чем же по-вагидовски значение избранного народного поэта: в его поэтической проницательности, масштабе личности или дисциплинированности, вошедшей в плоть и кровь советского гражданина? В подходе к подобным задачам для А.М. Вагидова главное избегать упрощений и резкой прямолинейности, и дружеского сглаживания. В сборник Ю. Хаппалаева большей частью вошли стихи, написанные им в 50-е годы, поэтому для современного читателя они могут быть интересны как живые, яркие впечатления об эпохе «великих свершений», «грандиозного строительства». Одический поэт Ю. Хаппалаев воспекает родной край, восхищается социально-экономическими переменами в жизни горцев, дружбой народов, передает восторг от увиденного в городе на Волге памятника воину-победителю, преклоняется перед неумирающей силой традиций и обычаев в родном селе. Самое важное в этих стихах, – считает А.М. Вагидов, – понимание поэтом, что «духовное богатство не только в осознании изменений происходящих в жизни и сознании горцев. Оно и в приверженности к традициям прошлого, которые будят совесть, заставляют думать о предках – столпах нравственности» (1, с. 123).

Выделяя сильные стороны в творчестве Ю. Хаппалаева, А.М. Вагидов указывает на следование поэтом «традициям фольклора и дореволюционных певцов». Сборник «Горячее сердце друга» – один из ранних сборников поэта, после него на

русском языке вышли и «Звезды счастья», и «Лирика», и «Я песчинка с горы», и «Кремень и фиалка», и т. д. Сейчас определяя поэтическую суть творчества Ю. Хаппалаева, можно с уверенностью сказать, что самые удачные произведения поэта так или иначе связаны с народным песенным творчеством, с национальной традицией. А.М. Вагидовым верно отмечена эта общая тенденция творчества поэта, идущая из ранней поэзии, которая в последующие годы проявилась еще ярче.

В творческой лаборатории А.М. Вагидова проза является областью особенно скрупулезного и профессионально тонкого изыскания. Прежде чем приступить к анализу он «переживает» произведение, текст, погружается в его структуру и, анатомируя его, рассказывает о художественных и эстетических свойствах произведения. Художественной доминантой его критического метода выступает аналитическое начало, и в большей степени оно проявилось в работе над творчеством патриарха лакской прозы А. Мудунова. Поводом для исследовательской рефлексии стал выход на русском языке сборников рассказов и повестей А. Мудунова «Восьмое чудо» (1987) и «Бессмертие» (1996). А.М. Вагидов, как «пишущий» критик, автор многих оригинальных произведений, через призму своего опыта в монографии «Дагестанская проза второй половины XX века» (2005) рассматривает структуру рассказов и повестей А. Мудунова, поэтику, пространственно-временные параметры. В анализе произведений А. Мудунова, как и повести «Обманутая любовь» К. Закуева, также обнаруживается тенденция исследователя к «перечтению» и «переосмыслению» образцов литературы прошлых лет.

Начало литературного творчества А. Мудунова совпало с годами, которые, «с легкой руки» Н. Заболоцкого, получили название периода «оттепели». Кредо этого поколения как никто точно выразил А. Аксенов в повести «Коллеги»: «Мое поколение людей, идущих с открытыми глазами. Мы смотрим вперед и назад, и себе под ноги... Мы смотрим ясно на вещи и никому не позволим спекулировать тем, что для нас свято». И хотя этот период длился недолго, «оттепель» многим открыла глаза, заставила задуматься. Коммунистическая партия была по-прежнему вне критики, как и раньше, ценились книги, в которых

утверждались святость и величие Октябрьской революции, но этот период был как «глоток свободы», который помог нашей литературе в последующие годы сохранить себя.

А. Мудунов как участник Великой Отечественной войны, представитель военного поколения писателей, свое творчество посвятил теме нравственной силы подвига солдата на войне, становления характера в трагических обстоятельствах. В то время, когда от писателя ждали парадного портрета воина-победителя, он создавал психологически тонко выписанные характеры молодых людей, оставшихся наедине с войной. Исповедальная интонация автора делала его образы живыми, настоящими, тем более, что чаще всего они основаны на реальных прототипах. На фоне многотомных эпопей, построенных на пропаганде исключительных успехов нашей армии, достигнутых под мудрым руководством «гениального вождя всех времен и народов», произведения А. Мудунова, для которого, – как отмечает А.М. Вагидов, – важен «принцип достаточности информации и поступков героев», выглядят очень современно. Создавая свои произведения «по горячим следам» событий, не выходя за рамки дозволенного, но без излишней риторики во славу мудрости Генштаба, А. Мудунов вложил в них свою боль за судьбу Родины, ненависть к врагу, восхищение перед моральной силой народа. А.М. Вагидов, отказавшись от привычных для эпохи социалистического реализма критериев оценки, концентрирует внимание на интересе писателя, «способного маленькими штрихами, деталями, малозначительными на первый взгляд поступками показать своеобразие характера» (2, с. 137), к изображению душевного мира героев с их достоинствами и слабостями, к проблемам формирования личности человека в условиях войны.

В разработке жанра рассказа в творчестве А. Мудунова исследователь заостряет внимание на разнообразных приемах создания образов с точки зрения реалистического воспроизведения психологии героя, на выявлении типического в общественной жизни и в характерах людей. Опираясь на определенные эстетические категории, исследователь заключает, что рассказы писателя можно отнести к произведениям психологической прозы. «Реалистическая манера письма

писателя, – отмечает исследователь, анализируя рассказ А. Мудунова «Бабкин обносок», – его способность анализировать явления жизни, подмечать типическое и ярко запечатлевать обнаруживаются и в передаче психологии главной героини» (2, с. 42). Суть и психология истинного творчества в понимании А. Мудунова обнаружены критиком в тексте рассказа «Старуха Шагалай»: «То, что происходит на самом деле, можно постичь лишь сердцем, а то, что видит глаз и слышит ухо – это только последствия...» (2, с. 47).

Рассматривая проблему изображения менталитета горца в прозе А. Мудунова, А.М. Вагидов приходит к заключению, что в прозе, в частности в повестях «В родном ауле», «Колхозники», писатель впервые в послевоенной дагестанской литературе сделал попытку создания полнокровной картины жизни горного села, где социальное и человеческое лицо проявляют представители разных социальных групп» (2, с. 136). Такой подход к литературному творчеству свидетельствует о выработке исследователем иных критериев оценки, главным образом эстетических.

Отношение А.М. Вагидова к прошлому и настоящему в жизни дагестанцев, его гражданская позиция по многим вопросам общественного бытия наиболее открыто проявились в работе над жанром сатирического и юмористического рассказа. Сквозь анализ литературных произведений Х. Авшалумова, Ибрагима Ханмава, Камала Абукова, М.-З. Аминова проглядывают суждения и мысли самого исследователя о времени, роли партии, идеологии прошедшей эпохи.

Начатое в годы «оттепели» развитие соцреализма «с человеческим лицом» в семидесятые было продолжено. Авторы, оставаясь верны принципам социальности и гражданственности, пытались смоделировать новую духовную личность. Этот «новый человек» в своих убеждениях уже не опирался на официальные идеологические и политические постулаты, а убеждался на собственном опыте в силе иных законов – нравственности, вечности, национальной культуры. «Но приятно признать, что были личности, которым было не безразлично, что происходило в воспитательной, идеологической работе. Человека может изменить, преобразить только знание того, что личность, индивид

не может быть зависим от себе подобного» (2, с. 75). Однако такие ценностные представления вступали в неразрешимое противоречие с устройством окружающего его мира – нравственного, социального, политического. «Новый герой» оказался не совсем удобен для официальной идеологии. Лишь сфера сатиры и юмора давала автору выразить свой протест против существующих устоев. Насмешливое, едкое, подчас издевательское осуждение человеческих поступков и чувств, основанных на нравственной системе, считающей себя непогрешимой и справедливой, но на деле являвшейся самообманом для многих, сложившейся в так называемый «застойный» период нашей страны, находим мы в сборнике рассказов М.-З. Аминова «Не видел, не слышал» (1976). Одев на себя маску, на свифтовский манер, открыто или завуалировано Аминов-сатирик дает характеристику современного ему общества разоблачительной силы. Вагидов отмечает эту «критическую направленность» писателя: «Широкий тематический диапазон рассказов Аминова позволяет судить о способностях автора не только подмечать отрицательное, достойное осмеяния, и показать его с неприглядной стороны, но и с мягким, вызывающим умиление юмором изображать добрые поступки и побуждения героев, способных в обычной ситуации вести себя непринужденно» (2, с. 109).

Анализируя рассказы М.-З. Аминова, А.М. Вагидов проявил себя и как блестящий аналитик, и как обладатель тонкого юмора, и как человек с четкой гражданской позицией. «Человек волен быть приверженцем любой идеологии, ратовать за победу любого строя, любой формы правления, поддерживать любую группу и клан, но при этом по горскому этикету он не может уронить свое мужское и человеческое достоинство» (2, с. 79).

Огромное непреходящее значение критической деятельности А.М. Вагидова состоит не только и не столько в том, что он первым или одним из первых «заметил» многих талантливейших дагестанских писателей и поэтов, а в том, что открывая читателям того или иного автора, он при этом открывал и постигал его неповторимый, индивидуальный художественный мир, схватывал самую суть его творчества (а это дано совсем немногим критикам), тем самым прочно и твердо утверждая

автора в литературе. Его работы 20–30-летней давности и сейчас читаются с тем живейшим интересом, с каким может читаться только современная критика. Увы, таким дышащим современностью творчеством могут похвастаться буквально считанные единицы. Можно сказать, что в лице А.М. Вагидова дагестанская критика обрела ту необходимую зрелость и ответственность мысли, которая соответствует сегодняшнему историческому моменту и сегодняшнему уровню искусства слова. Сегодня мы находимся только в самом начале истинного понимания литературно-критической деятельности А.М. Вагидова, тем не менее уже сейчас можно с уверенностью сказать, что он – одна из центральных, стержневых фигур в литературной критике второй половины XX века, во многом определившая ее направление и развитие.

Литература:

1. Вагидов А.М. Поиск продолжается. – Махачкала, 2000;
2. Вагидов А.М. Дагестанская проза второй половины XX века. – Махачкала, 2005.

**Абдуллатипов А.Ю.,
доктор филологических наук,
профессор.**

**БАСИР ОМАЛАЕВИЧ АЛИБЕКОВ:
ПЕДАГОГ, УЧЕНЫЙ И ПИСАТЕЛЬ**

Басир Омалаевич Алибеков родился в с. Аймаумахи Коркмаскалинского (ныне Сергокалинского) района

14 марта 1928 года. Он не помнит мать из-за её ранней смерти, а его отец – бывший красный партизан – погиб во время Великой Отечественной войны. После окончания педагогического училища в 1951 году он работал учителем Мугринской средней школы Сергокалинского района, а в 1953 году был переведён завучем в Ленинкентскую (ныне Шамшахарскую) неполную среднюю школу.

В годы учёбы в педучилище Б. Алибеков много читал, особенно любил математику. В те годы он упорно занимался физкультурой, на турнике выделял различные фигуры, мог ходить на руках. Будучи сильным человеком мизинцем поднимал двухпудовую гирию. Любовь к физической культуре он сохранил на всю жизнь.

В 1956 году он поступил на русско-дагестанское отделение филологического факультета Даггосуниверситета. После окончания вуза с 1961 года он стал ассистентом только что сформированной кафедры литератур народов Дагестана. С тех пор до сентября 2011 года Б. Алибеков работал на этой кафедре преподавателем, а затем и доцентом. Таким образом, он проработал на кафедре ровно полвека. За эти годы он был и заместителем декана филологического факультета по заочному обучению, и председателем профкома, и председателем народного комитета университета.

Б. Алибеков – один из тех, кто наряду с другими преподавателями (М.М. Гасановым, Г.Г. Гашаровым, Б.Г. Испагиевой и др.) тогда ещё молодой кафедры создавал её учебно-материальную базу: программы по даргинскому фольклору, даргинской литературе дореволюционного и советского периодов, а так же по методике преподавания даргинской литературы и по многим спецкурсам.

В рамках создания учебно-материальной базы кафедры Б. Алибеков явился составителем и автором целого ряда учебных пособий по даргинскому фольклору и литературе на даргинском языке. Среди них первый вузовский учебник «Устное народное творчество даргинцев» (2005) объёмом в 26 п.л., в котором охвачены все жанры устного народного творчества даргинцев, начиная с обрядовой и духовной поэзии, охватывая исторические песни и народную лирическую поэзию, заканчивая сказками,

притчами и малыми жанрами – пословицами, поговорками, загадками, благопожеланиями и проклятиями. Этим учебником студенты будут пользоваться ещё много лет.

В том же 2005 году Б. Алибеков издал на языке оригинала «Даргинские плачи» объёмом в 5 п.л. Здесь имеется большое предисловие и образцы даргинский плачей.

В 2007 году наш друг издал учебное пособие «Даргинская средневековая литература» объёмом в 18 п.л., в котором собраны произведения многих поэтов Средневековья и Нового времени, некоторые из которых были совершенно забыты: это произведения духовного содержания поэтов XVIII века Хаджи Али, Айгуб кади, Сагидуллах кади, более поздних поэтов Губдалан Хаписа, Зиявутдин кади. Кроме произведений названных поэтов, в пособии широко представлены произведения светских поэтов, начиная с произведений великого О. Батырая, Хаджи Абдуллаевой и кончая стихотворениями Р. Нурова, А. Иминагаева и др.

Меня удивило наличие в этом сборнике дастана «Тахир и Зухра» в интерпретации Ибрагимла Магомеда. Это произведение было известно кумыкам, аварцам и лакцам ещё с дореволюционных времён. Известный кумыкский просветитель и большой поэт Абусуфьян Акаев ещё до революции издал этот дастан дважды и единожды в советское время. Поскольку дастан «Тахир и Зухра» на аварском и даргинском языках был издан позже первого издания Абусуфьяна, считаю, что на даргинский язык он был переведён с кумыкского.

В 2009 году Б. Алибеков издал сборник «Даргинские волшебные сказки» (5 п.л.), который так же является весьма востребованным в учебном процессе пособием.

Кроме названных выше учебных пособий, Б. Алибеков составил сборники произведений известных даргинских авторов, чьи произведения стали библиографической редкостью – «Острая стрела» А. Иминагаева и «За Родину» С. Абдуллаева. К сожалению, остался неизданным его литературоведческий труд, посвящённый даргинской литературе 20–30-х годов XX века.

Басир Омалаевич немало сделал и в деле создания учебников для учащихся общеобразовательных школ. Это учебник по даргинскому языку для 2–3 классов и по литературе

для 6 и 10 классов. Кроме этого, он издал книгу для внеклассного чтения «Лиса и поле».

Б. Алибеков известен и как писатель, автор романа «Долина шаха» и книги рассказов «Они тоже на фронте». По его роману Даргинский государственный театр поставил интересный спектакль, вызвавший большой общественный резонанс.

Басир Омалаевич часто выезжал со студентами на сельхозработы и всегда отвечал за пищеблок, старался, чтобы студенты были накормлены и сыты. Будучи сам человеком сильным, с почтением относился к прославленным силачам, в частности, к Ал-Клычу. Он перевёл на даргинский язык цикл рассказов о нём кумыкского писателя С. Султанбекова.

Б. Алибеков воспитал нескольких сыновей. Сам он был человеком общительным, участливым, умеющим очень увлекательно рассказывать различные истории.

**А.-К.Ю. Абдуллатипов,
доктор филологических наук, профессор.**

ХРАНИТЕЛЬ СКАЗОЧНЫХ СОКРОВИЩ (А.Ф. Назаревич)

Имя соратника и наставника нескольких поколений общественных деятелей, писателей, учителей, дагестанских фольклористов и литературоведов, известного дагестанского фольклориста, литературоведа и писателя Александра Федоровича Назаревича занимает

достойное место в истории культуры народов Дагестана. Без его творческой деятельности невозможно представить развитие дагестанской фольклористики и литературоведения. Об А.Ф. Назаревиче писали многие: А. Шмонин, Ю. Амиров, Р. Магомедов, Н. Капиева, В. Огнев, Г. Гашаров и другие.

Сын сосланного на Кубань участника первой русской революции, Александр Федорович Назаревич родился в Хотине, что в Бессарабии, в 1907 году. Учился в Новороссийской гимназии. До приезда в Дагестан еще в 1920 году находился в Москве на профсоюзной работе, трудился под руководством известного большевистского лидера Артема (Сергеева), слышал и видел Ленина. На Кубани и в Туапсе наставником А.Ф. Назаревича был Полетаев – участник «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», большевистской депутат 3-й Государственной Думы и один из издателей дореволюционной большевистской «Правды».

В Дагестан Александра Федоровича направил и потом поддерживал с ним связь А.Мельчаков, секретарь Юго-восточного ЦК комсомола. Это было время укрепления Советской власти, когда каждый грамотный человек был на счету.

Оказавшись в Дагестане, неутомимый молодой комсомолец и журналист исходил сотни и сотни километров горных троп, неся молодежи идею новой жизни, призывая ее бороться за нее. В силу своего непоседливого характера Александр Федорович Назаревич уезжает в Дербент комсомольским секретарем, а вскоре оказывается в Ахтах секретарем Самурского окружного комсомола. В Ахтах молодежь прониклась к нему доверием, переделала его имя, называя на свой лад Назар Али. Уже тогда в Ахтах появляются первые горянки-комсомолки, на шапирографе начинает издаваться газета «Самур фукарасы» («Самурская беднота»). Все это благодаря самоотверженной деятельности Александра Федоровича.

Позже вплоть до 1933 года, он работает редактором первой комсомольской газеты «Молодежь Дагестана», вместе с блестящим режиссером Русского Академического театра Н.Н. Синельниковым издает первый и единственный на Северном Кавказе театральный журнал «Комуз». Он был и секретарем

Махачкалинского горкома комсомола, работал в газете «Красный Дагестан», и в Дагсовпрофе. Таков был первый общественно-политический журналистский период жизни и творчества Александра Федоровича Назаревича, в период формирования не только его гражданских позиций, но и его научных и художественных интересов. Уже в 30-е годы у А.Ф. Назаревича зарождается глубокий неподдельный интерес к своеобразнейшему художественному миру дагестанцев – к фольклору и литературе его народов.

Он с большим рвением стал изучать материальную и духовную культуру Страны гор, ее историю, этнографию и фольклор. В числе его ближайших друзей были замечательные писатели Э.Капиев, А.Фатахов, Р.Динмагомаев, Ю.Гереев, М.Дадашев, З.Эфендиев, еще молодой в то время историк Расул Магомедов, с которым он проработал в тесном сотрудничестве всю оставшуюся жизнь. О каждом из них в книгах Александра Федоровича можно найти что-то интересное.

Новое увлечение Александра Федоровича наряду с работой в Даггизе закономерно привело его к изучению, редактированию и переводу произведений выдающихся поэтов и сказителей Дагестана – С.Стальского, А.Магомедова, Г.Цадасы, А.Акавова, А.Гафурова. Этому в значительной степени помогло его личное знакомство со всеми перечисленными авторами.

Многие годы совместной работы связывали с Эффенди Капиевым. Огромную помощь Александр Федорович оказывал начинающим писателям как квалифицированный литературный критик и литературовед. Большинство членов Союза писателей Дагестана 30-70-х годов в той или иной мере были его подопечными, прошли через его критическое руководство. Еще в большей мере это можно отнести к сотрудникам сектора литературы и фольклора ИИЯЛ и преподавателям литературных кафедр дагестанских вузов.

Литературоведческая работа, собирание и изучение фольклора сделали Александра Федоровича желанным и ценным сотрудником реорганизованного в 50-е годы Научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Долгое время он был его ученым секретарем, а затем и директором.

С той поры, совпавшей с началом «хрущевской» оттепели, Александр Федорович постоянно сочетает научную работу с преподавательской деятельностью. Это время можно считать началом третьего периода его деятельности. Р.М. Магомедов писал в одной из статей о нем: «Затруднительно было бы перечислить здесь все те его работы по фольклористике и литературоведению, которые сыграли столь большую роль, заложив основы изучения этих научных отраслей в нашей республике». Р. Магомедов вспоминает, что Александр Федорович был составителем, автором предисловия, комментариев и редактором однотомника Г.Цадасы. Вслед за Э.Капиевым, вместе с Аткаем, А.Ф. Назаревич открыл и поднял замечательного народного сказителя Аява Акавова, постоянно оказывал помощь А. Гафурову.

Особенно много откликов вызвали книги Александра Федоровича «Отобранное по крупичам», «В мире горской сказки», «Сказочные самоцветы». О книге «Отобранные по крупичам» друг и соратник Р.М. Магомедов писал, что в ней собранно и подвергнуто научной классификации огромное количество дагестанских народных пословиц и поговорок. Исследователя поражает то, что автор книги смог «мастерски увязать большинство из них с историей, этнографией, бытовыми моментами, социальными явлениями», для этого он должен был «обладать обширными знаниями, далеко выходящими за пределы собственно фольклористики».

Я же отмечу, Александр Федорович в этой книге с помощью условных знаков указал какая пословица какому народу принадлежит и какая из них бытует и у других народов. На базе этой книги А.Ф. Назаревича можно было определить степень общности образного мироведения дагестанцев, еще раз убедиться в их не только кровнородственной близости, но близости и общности их образного мышления.

Слова, сказанные Р.Магомедовым по поводу книги «Отобранное по крупичам», по его мнению, еще в большей степени соответствуют книге «В мире горской сказки». В ней р. Магомедов отмечает органическое сочетание доброкачественной публикации фольклорных текстов, «их строго научное комментирование с мастерской подачей характеристик

информаторов, обстоятельств записи текста, а при случае и связанных с этим эпизодом собственной биографии, личных впечатлений и предложений, кратких характеристик известных людей, т.е. всего того, что необходимо учитывать при работе с фольклором... В этой книге эрудиция автора в области истории, народной духовной и материальной культуры, социальной жизни Дагестана сказывается еще сильнее, значительно углубляя понимание дагестанского сказочного материала».

Отличительной особенностью книг и статей Александра Федоровича является стремление автора как можно полнее охватить устное творчество и литературное наследие всех без исключения народов Дагестана, его последовательный интернационализм и неумное желание познать душу дагестанских народов, то национально особенное, что составляет их менталитет. Поверьте, в условиях господства классовых и партийных воззрений на природу художественного творчества и пропаганды безнационального искусства, это было проявлением мужества (особенно в 30-е годы) и огромной любви к художественному творчеству всех народов Дагестана. В этом смысле он продолжил традиции, выработанные Э.Капиевым еще в 30-е годы.

Огромная работоспособность и неистощимая энергия А.Ф. Назаревича проявилась на поприще преподавателя филологического факультета ДГУ, где он получил звание доцента без защиты диссертации по совокупности трудов. В эти же годы ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки Дагестана.

В конце 50-х годов Александр Федорович принялся за создание общественного студенческого научно-исследовательского института фольклора и литературы народов Дагестана. В рамках этого института он прививал студентам любовь к родному фольклору, литературе и истории, учил понимать достоинство и ценность художественного слова. За годы работы этого института было собрано огромное количество фольклорных произведений народов Дагестана, пользоваться которыми приезжали даже из-за пределов Дагестана.

Каких усилий стоило ему оформление помещений НИИФЛИ, здесь опять проявилась его неумная энергия, бурная

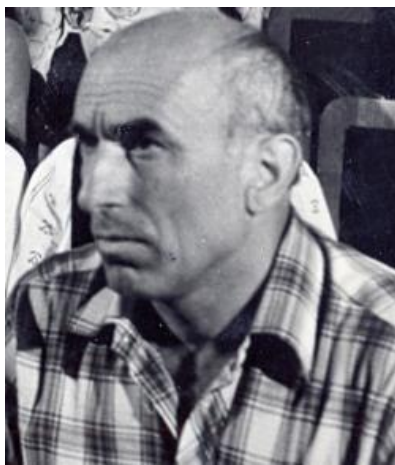
фантазия, невероятное трудолюбие, неистребимая любовь к фольклору, людям, особенно к студенческой молодежи.

В моей личной судьбе, как и в судьбах десятков своих учеников, Александр Федорович принял самое непосредственное участие. Я был участником первой его массовой экспедиции 1959 года по сбору фольклора и после этого поддерживал с ним близкие отношения. В этом же году я перевел для него на русский язык более пятидесяти кумыкских сказок. Это благодаря его участию в декабре 1963 года я был принят на работу в университет, за что и останусь ему благодарен до конца своих дней.

Вот таким чрезвычайно своеобразным человеком, неутомимым тружеником, беззаветно влюбленным в художественный мир дагестанцев, чутким и внимательным к людям, остался в памяти многих благодарных ему людей наш незабвенный учитель Александр Федорович Назаревич.

**А.-К. Абдуллатипов, профессор.
Г.Гашаров, профессор.**

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО (З.А. Магомедов)

В ДГУ с начала 50-х годов при филологическом факультете функционировало русско-дагестанское отделение. На его базе в 1988 году был открыт

факультет дагестанской филологии (ФДФ). Этот факультет, пожалуй, единственное научно-учебное подразделение, которое со своими дагестановедческими кафедрами многими нитями «соединяет» университет со всей республикой.

Со дня основания его возглавляет известный дагестанский ученый и педагог, профессор Загир Алибекович Магомедов. Более 40 лет он отдал научно-педагогической работе.

Будучи еще школьником, он уже знал, что станет филологом. Эта уверенность была не случайной. Он с детства любил слушать народные предания и легенды, песни и сказки, которые пели и рассказывали длинными зимними вечерами народные сказители и певцы. Много интересного и поучительного Загир Алибекович услышал от своего отца, человека бывалого и повидавшего многое на своем веку (он был участником русско-японской войны). Особенно взволновали и запоминались ему рассказы отца об Омарле Батырае. А когда молодой Загир познакомился со стихами любимца народа, он был очарован его блистательной поэзией и еще больше – мужеством и отвагой Батырая.

По окончании школы Загир поступает на филологический факультет Дагпединститута им. С. Стальского. В годы учебы на филфаке летние каникулы он проводил в индивидуальных студенческих экспедициях, собирая народные песни, сказки, старинные рукописи и особенно поэтические сокровища незабвенного Батырая. Его наставником был известный дагестанский ученый-фольклорист, настоящий интеллигент Александр Федорович Назаревич.

Позади годы учебы в пединституте. Загир Алибекович более пяти лет работает учителем русского языка и литературы в родном ауле Сергокала. Но его тянуло в науку. Уже будучи высокообразованным молодым человеком. Загир Алибекович задался целью ознакомиться с жизнью и творчеством даргинского певца весь посвященный мир. Из Сергокалинской средней школы его путь лежал в институт языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, а оттуда в Институт мировой литературы им. Горького в Москве, где, выдержав конкурсные экзамены, он стал аспирантом одного из самых престижных научных учреждений страны.

Хорошо помним годы пребывания в аспирантуре (один из авторов статьи в те годы был аспирантом МГУ). Почти каждый день встречались с Загиром Алибековичем в Государственной библиотеке им. Ленина.

Загир Алибекович любил спорить, полемизировать с аспирантами-дагестанцами по актуальным проблемам развития дагестанских литератур, особенно его волновала так называемая проблема «младописьменности» горских литератур. Любил он также шутить, обладал каким-то неиссякаемым юмором. Нам кажется, если Загир Алибекович не подался бы в науку, то обязательно стал бы писателем-юмористом.

За годы учебы в аспирантуре Загир Алибекович упорно «грыз гранит науки», изучая творчество многих корифеев мировой литературы, особенно поэтов, но любовь к Батыраю была непреходяща. И вот результат: успешная защита кандидатской диссертации по творчеству Батырая, издание первой монографии о жизни и творчестве классика даргинской литературы. Книга о Батырае принесла известность ее автору как литературоведу, а творчество Батырая стало достоянием научной общественности всей страны.

В монографии о Батырае Загир Алибекович впервые дает научную биографию поэта, раскрывает проблематику и поэтику его творчества, и, наконец, говорит о том почетном месте поэта в истории дагестанской литературы XIX века, какое он занял по праву классика даргинской литературы.

Научные интересы З. Магомедова не ограничиваются только Батыраем. Ученый долгие годы занимался собиранием народных песен, легенд, сказаний и особенно сказок. Результатом многолетней поисковой работы явились солидные сборники даргинских народных песен, изданные в 1970 и 1983 годах, народных сказок, вышедших в печати в 1976, 1977, 1989 годах, которым предпосланы содержательные предисловия и даны научные комментарии. Эти издания стали настольными книгами даргинских школьников и учителей родного языка и литературы. Удивляешься тому большому объему работы, какой проделал Загир Алибекович за эти годы.

З. Магомедов не только собиратель, но и вдумчивый исследователь фольклора. В его работах «Даргинские народные

песни» (1980), «Даргинская народная лирика» (1983), «Поэтика песенной лирики народов Дагестана» (1990), пожалуй, впервые в дагестанской фольклористике поставлены и отчасти решены такие актуальные проблемы, как позиция лирического произведения, поэтика даргинских народных песен, жанровая система дагестанского народа творчества, сюжетные и стилевые особенности лирических песен и баллад.

Работая в ДГУ, Загир Алибекович за эти годы не порывал связи со школой. Он автор ряда учебников и учебных пособий по даргинской и дагестанской литературам для 5, 10, 11 классов Дагестанской школы. По его учебникам школьники познают наиболее ценные произведения дагестанских поэтов и писателей.

Другой стороны деятельности профессора З.Магомедова является педагогическая работа. Много лет он читает курсы лекций по истории дагестанского фольклора и литературы, руководит курсовыми и дипломными работами, составляет программы и методические пособия по этим учебным предметам.

За многолетнюю и плодотворную работу на ниве науки ему присвоено звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

Ш.А. Мазанаев,
декан филологического факультета,
профессор кафедры русской литературы.

ЖИЗНЬ В ЛИТЕРАТУРЕ **(К.И. Мегаева)**

Закончилась земная жизнь Лиры Ивановны Мегаевой. Большая, интересная, насыщенная

событиями и проблемами, яркая и часто яростная. Лира Ивановна казалась сгустком энергии, воли, эмоций, противоречий, сомнений. А еще – гармонии, доброты, отзывчивости, соучастия, благородства, великодушия...

Вся жизнь Леры Ивановны была связана с литературой. Ее любимым писателем был Ф.М. Достоевский. Она была одним из лучших исследователей творчества Достоевского. Через Достоевского она пришла и к творчеству Л. Толстого, Ф. Тютчева... Она самозабвенно любила русскую литературу. Жила этим. Теперь мне даже кажется, что она часто путала литературу и жизнь. Многие ее земные проблемы были связаны с некоторой смещенностью в сторону восприятия литературы. Хотя у нее был очень трезвый, ясный, прозорливый ум.

Кем не была Лира Ивановна, так это обывателем. Даже в последние непростые годы жизни, когда обстоятельства гнули ее к этому, она не смогла стать обыкновенным, компромиссным обывателем. Мы все видели, как ей было тяжело перенести невзгоды, которые обрушились на нее в последние годы. Она была в полном оцепенении и отчаянии, когда узнала о неизлечимой болезни единственного и горячо любимого сына. Лира Ивановна Мегаева, конечно, была из числа людей незаменимых. Мне трудно представить, чтобы ее могли заменить как человека, педагога, ученого, воспитателя. Никто, никогда не займет ее места в нашей жизни. Филологическая наука, Дагестанский университет потеряли совершенно уникального и большого педагога и ученого. Она была из тех, чей уход пополняет скорбный список выдающихся филологов, которых мы потеряли – А.Ф. Назаревич, Б.Н. Скупский, Н.В. Мелик-Саркисова, Г.Г. Ханмурзаев, Б.С. Фарбер, А.И. Агеева, Р.И. Лихтман, Л.Р. Евсеева, М.С. Шершнева, С.Н. Бройтман, Н.Я. Судакова, Н.М. Музафарова... Каждый из них был по-своему уникален, и мы ощущаем их невосполнимость и незаменимость.

Со многими из них Л.И. Мегаева дружила, работала вместе. Она сама была живой историей нашего университета. Она много сделала для дагестанской школы, образования и науки, являлась автором учебников, хрестоматий. Она была членом диссертационного совета по литературоведению, членом Ученого совета факультета.

Ли́ра Ива́новна до последних лет, пока позволяло ей здоровье, была в гуще студентов. Ни одна большая серьезная научная конференция не проходила без ее участия. Причем она никогда не была пассивным участником научного форума, она живо реагировала на выступления, доклады, вступала в дискуссии, задавала вопросы, излагала свою точку зрения. Она была пристрастным слушателем, ее выводы были глубокими, интересными, часто неожиданными.

Ли́ра Ива́новна Мегаева была абсолютно незаменимым научным руководителем. Она не любила руководить аспирантами. Считала, что это не для нее, хотя она не раз доказывала высокий уровень научного руководства. Многих своих способных учеников в качестве аспирантов, докторантов она передавала другим коллегам. Зато самозабвенно она руководила курсовыми и особенно дипломными работами. Она вкладывала в подопечных студентах душу. Она тратила уйму времени и сил на них. Приносила литературу, часами разъясняла сложнейшие нюансы текста, научных исследований. Она не давала ученикам расслабляться, отвлекаться. Она вовлекла их в трудную, но очень интересную творческую работу. Она любила своих учеников, ценила их, радовалась их успехам. Она была щедра и не требовала от них благодарности.

Все помнят Ли́ру Ива́новну в качестве экзаменатора. Она спрашивала основательно, долго, вникая в детали. Не прощала, если студент не знал основные произведения классиков. Могла быть резкой, строгой. Бывало, от возмущения могла сказать какую-нибудь грубость (типа «бестолочь», «дура!», «тупица»). За такие грубости студенты на нее не обижались, зная ее порядочность, доброту. Крутой и резкий нрав Ли́ры Ива́новны, конечно, мобилизовывал студентов, пугал. Заставлял учить предмет. Но что удивительно – никогда не оскорблял, хотя говорила она эти резкости без кокетства и игры, как бывает порой. Тот, кто сдал экзамен по русской литературе Ли́ре Ива́новне Мегаевой, запоминал ее на все времена.

Есть что-то символичное в том, что Кнарик Ива́новну все называли Ли́рой Ива́новной. Кнарик – её имя по документам. Но никто из молодых её не знал под этим именем. Она была Ли́рой. Конечно, жизнь сложнее литературы. Литература

выручала, спасала Лиру Ивановну от повседневных хлопот, забот и тягот. Она жила в литературе, уходя от пошлости и серости жизни. В то же время литература помогала ей оценить жизнь и радоваться её многогранным проявлениям.

Ш.А. Мазанаев,
декан филологического факультета,
профессор кафедры русской литературы .

ОН БЫЛ САМОРОДКОМ **(З.С. Арухов)**

Когда в августе 2003 года изощренным способом убили Магомед-Салиха Гусаева, даже те, кто знал о нем понаслышке, были в шоке. Убийцы знали что делали: погиб один из самых ярких, талантливых, порядочных и прекрасных людей. На смену ему тогда пришел его соратник, единомышленник, такой же обаятельный и красивый человек, но совсем еще молодой политик Загир Сабинович Арухов.

Образованнейший и интеллигентный дагестанец. Ученый и педагог. Настоящий мыслитель, глубокий знаток и ценитель восточной поэзии, который мог наизусть декламировать стихи на арабском и персидском языках, вести диалог с учеными и богословами, писать о тончайших нюансах национальной культуры.

До своей политической карьеры Загир Сабинович Арухов работал на отделении журналистики филологического факультета Дагестанского государственного университета. Выпускник факультета журналистики МГУ, он имел обширные знания в

области современных средств массовой информации. Он стоял у истоков зарождения новой специализации по телевидению и радиовещанию (в свое время в МГУ З.С. Арухов прошел подготовку именно в этой сфере). После смерти М.-С. Гусаева он был приглашен заведующим кафедрой телевидения и радиовещания, был настроен на долгое сотрудничество и большие дела: подготовил почву для открытия телестудии на отделении, привлекал к активной творческой работе студентов. З.С. Арухов сделал очень многое для объединения усилий журналистов и педагогов, готовящих специалистов для СМИ. Был инициатором научных конференций, круглых столов, встреч, издавал сам и помогал издавать научную, методическую литературу для будущих журналистов. У него было много планов, оригинальных проектов. Он весь был устремлен в будущее, не поспевал за своими творческими идеями. Он подготовил докторскую диссертацию, собирался защитить ее и, что характерно, отказался представлять документы на звание профессора до защиты докторской диссертации. Огорчался, что не может найти время для полноценной работы со студентами. Очень любил живое общение с молодежью - к нему тянулись, он обладал особым благородством и обаянием.

Если бы Загир Сабирович Арухов не ушел в большую политику, он вырос бы в выдающегося ученого. Он одним из первых писал о светской линии арабской культуры, он впервые в Дагестане громко заговорил о мусульманской цивилизации, он много писал о выдающихся дагестанцах прошлого. Он сам был выдающейся личностью. Его место в дагестанской культуре не займет ни один человек. По своей цивилизационной сути, образовательному и интеллектуальному потенциалу он был совершенно уникальным, незаменимым человеком.

Смерть Загира Сабировича Арухова была большой потерей для всего дагестанского народа. Он был самородком, которого мы не смогли уберечь.

Р.Р. Алиева,
доцент кафедры русской литературы.

БЕСЦЕННЫЙ НАСТАВНИК **(А.И. Агеева)**

Мне довелось учиться на филологическом факультете пединститута имени С. Стальского в середине 50-х годов прошлого века. Каждый день учебы был большой радостью. Мы впитывали в себя каждое слово преподавателей, узнавали новое, неизведанное. Преподавательский состав был сильный. Каждый педагог: Саид Магомедович Омаров, Валентина Митрофановна Криштопа, Александр Федорович Назаревич, Нина Викторовна Мелик-Саркисова, Нина Яковлевна Судакова, Лидия Романовна Евсеева, Шамиль Бутаевич Арчилаев, Сергей Сергеевич Швачко и другие - представлял собой личность, личность своеобразную, "с изюминкой". Все они оставили заметный след в нашей памяти.

В первый же день занятий – 1 сентября 1953 года – большое впечатление произвела на нас преподаватель теории литературы Анастасия Ивановна Агеева. Высокая, стройная, с копной седых волос, она поражала своей эрудицией. Особый интерес она проявляла к поэзии "серебряного века", вообще не включенной в вузовскую программу. Именно благодаря ей постигали мы музыку стихотворений А. Блока и С. Есенина, А. Белого и Анны Ахматовой, М. Цветаевой и А.Гумилева и многих-многих других.

Анастасия Ивановна поражала смелостью и независимостью суждений, учила мыслить самостоятельно и нас. При этом она была строгой, требовательной. Её экзамена по введению в литературоведение мы боялись больше всех остальных, но и готовились к нему лучше и ответственнее и на всю жизнь запомнили определения стихотворных размеров и

других художественных средств. Ей было свойственно умение говорить просто, доступно о сложнейших вопросах теории литературы.

Анастасия Ивановна читала курсы древней русской литературы и литературы 18 века. Сообщаемые ею сведения прочно "впечатывались" в нас. Говоря о писателях прошлого, она умела волшебным образом приблизить их, запечатлеть в феноменальности, уникальности, неповторимости и как живых людей, и как творческие личности: мыслителей и художников слова. Поэтому лекции и беседы Анастасии Ивановны заметно повлияли на формирование нашего эстетического вкуса, жизненных принципов.

Лично для меня память об Анастасии Ивановне особенно дорога: она доверила мне преподавание своего любимого предмета – теории литературы, давала бесценные советы, посещала лекции, практические занятия, экзамены, то есть была добровольным внимательным и опытным наставником, тактичным и доброжелательным. Также "опекала" она первое время и молодого (тогда еще не профессора) Героя Гамидовича Ханмурзаева, сменившего ее в должности преподавателя русской литературы 18 века, и многих, многих других!

Более 20 лет прошло со дня смерти Анастасии Ивановны Агеевой, но в благодарной памяти тысяч ее бывших студентов она осталась человеком большой души, ума и таланта, блестящим педагогом, любимым учителем.

У.С. Ахмедова,
доцент кафедры зарубежной литературы.

ГОЛУБАЯ РОЗА
(Н.В. Мелик-Саркисова)

Побывав в медицинском и архитектурном институтах, она (Нина Викторовна Мелик-Саркисова) нашла себя в филологии. Мужской ум, безупречная логика, знание истории, философии, психологии, искусства, огромный культурный пласт, наработанный ею, позволяли ей свободно ориентироваться в безбрежном океане мировой культуры. Она устанавливала вертикальные и горизонтальные связи, по принципу параболы связывала прошлое и настоящее, увлекалась проблемой мифа в литературе XX века, так как миф – это новый язык, матрица человеческих характеров, судеб, формулирование законов духовной жизни человека, законов ноосферы. Она была филологом-энциклопедистом. Она знала все. Я написала эту фразу, и мне кажется, что в ней присутствует лишь доля гиперболы. Русская и зарубежная литература – вне всяких сомнений. Вне всяких сомнений, и грузинская литература, ее любимый Шота Руставели прежде всего.

Но она знала и Саят Нову, и Хайяма. Однажды я неосторожно охарактеризовала украинский язык, как грубоватый. В ответ она стала читать на украинском языке наизусть (как всегда) одно за другим стихи Леси Украинки, Тараса Шевченко и др. Это было что-то невероятное, поразительное, повергающее в размышление о своей убогости и ничтожестве и, тем не менее, дающее

возможность, подобно учителю Тяпушкину из рассказа Г. Успенского «Выпрямила», испытывавшему при встрече в Лувре с Венерой Милосской чувство гордости за свою принадлежность к, человеческому роду, испытать нечто аналогичное. Именно она продиктовала мне несколько стихов запрещенного Н. Гумилева «Я конквистадор в панцире железном», «Ягуар», «Жираф». Я и сейчас слышу ее завораживающий голос.

Привлекала Нину Викторовну и сложная эстетическая природа произведений Селинджера. Анализируя причины человеческих страданий и размышляя о путях избавления от них, американский писатель обращался к древнеиндийской поэтике, в соответствии с которой содержание произведения должно иметь два слоя: 1) выраженный словами; 2) суггестивный (в подтексте). Нина Викторовна была гениальным читателем, и поэтому уровень ее интерпретаций, ее прочтений всегда ярок, значителен и тонок. Она очень любила даосскую легенду из повести Селинджера «Выше стропила, плотники». Я рискую ее привести целиком, потому что она раскрывает не только Селинджера, она во многом раскрывает суть исследователя: "Князь Му, повелитель Цзинь, сказал Бо Лэ: «Ты обременен годами. Может ли кто-нибудь из твоей семьи служить мне и выбирать лошадей вместо тебя?» Бо Лэ отвечал: «Хорошую лошадь можно узнать по ее виду и движениям. Но несравненный скакун - тот, что не касается праха и не оставляет следа, - это нечто таинственное и неуловимое, неосязаемое, как утренний туман. Таланты моих сыновей не достигают высшей ступени: они могут отличить хорошую лошадь, посмотрев на нее, но узнать несравненного скакуна они не могут. Однако у меня есть друг по имени Цзю Фангао, торговец хворостом и овощами - он не хуже меня знает толк в лошадях. Призови его к себе». Князь так и сделал. Вскоре он послал Цзю Фангао на поиски коня. Спустя три месяца тот вернулся и доложил, что лошадь найдена. «Она теперь в Шаю», - добавил он. «А какая это лошадь?» - спросил князь. «Гнедая кобыла», - был ответ. Но когда послали за лошадью, оказалось, что это черный, как ворон, жеребец. Князь в неудовольствии вызвал к себе Б о Лэ.

- Друг твой... не в силах отличить жеребца от кобылы. Что он понимает в лошадях, если даже масть азвать не сумел?

Бо Лэ вздохнул с облегчением:

- Неужели он и вправду достиг этого.... Тогда он стоит десяти тысяч таких, как я. Я не осмелюсь сравнить себя с ним. Ибо Гао проникает в строение духа, достигая сущность, он забывает несущественные черты, прозревая внутренние достоинства, он теряет представление о внешнем. Он умеет видеть то, что нужно, и не замечать ненужного. Он смотрит туда, куда следует смотреть, и пренебрегает тем, на что смотреть не стоит. Мудрость Тао столь велика, что он мог бы судить и о более важных вещах, чем достоинства лошадей.

И когда привели коня, оказалось, что он не имеет себе равных.

Важнейшее положение эстетики Сэлинджера – постигая сущность, забывать с несущественным, прозревая внутренние достоинства, забывать о внешней форме. Это и было ее жизненным принципом, во всяком случае, она всегда стремилась к этому.

Я глубоко убеждена в том, что Нина Викторовна не была востребована в должной мере, и ей не удалось себя полностью реализовать. Она была безгранично талантлива. Но тот культурно-исторический контекст, в котором она жила, ограничивал ее возможности.

Я атеистка и поэтому не верю, что Нина Викторовна меня услышит. И тем не менее, несколько перефразируя слова героя «Стеклянного зверинца», мне хочется сказать: «Нина Викторовна! Нас много, а таких, как Вы, – одна на тысячу. Мы обыкновенны, как трава, а Вы... Голубая роза».

**У.С. Ахмедова,
доцент кафедры зарубежной литературы.**

О НИНЕ ВИКТОРОВНЕ МЕЛИК-САРКИСОВОЙ

Бег времени.... Кажется, это было вчера, а со дня нашей первой встречи с Ниной Викторовной прошло уже более

тридцати лет. Если вспомнить Бахтина с его теорией хронотопа, то "место свершения" героини, избранная ею территория, экзистенциально насыщенная и событийно чреватая, - это Махачкала, ДГУ, вторая половина XX века. Теплый день на исходе лета - весь в бликах солнца - яростно и невыразимо прекрасен. Человеческая память обладает свойством многое преобразовать, сглаживать, наводить глянец. Как в фильме Ф. Феллини "Амаркорд" пушистый снег накрывает заурядный провинциальный городок сказочно прекрасным белоснежным ковром, и как метафора этого преобразования на снегу появляется дивной красоты павлин.

Но я помню этот день очень отчетливо. Мимо меня в учебный корпус проходит в сопровождении мужчины улыбающаяся, оживленная женщина и сразу приковывает к себе внимание. Облик ее кажется необычным, она напоминает мне Анну Маньяни, еще каких-то героинь итальянского неореализма, и я долго провожаю ее взглядом. И сейчас, много лет спустя, пройдя с ней рядом большую часть моей жизни, зная о ней очень многое, характеризуя ее, первое, что бы я о ней сказала, - это "необычная".

Герой пьесы Т. Уильямса "Стеклянный зверинец" называет неординарную поэтичную девушку Лауру «Голубой розой». Этот емкий и неожиданный образ, на мой взгляд, определяет суть Нины Викторовны. Она всегда была Голубой розой. Ее необычность была отблеском необычности ее внутреннего мира. Женственная, с безупречным вкусом, артистичная, она очаровывала нас своей манерой чтения лекций, диалогических по своей структуре, потому что ее посыл всегда был адресным, она читала именно для нас, для этой аудитории. И в этом уважении к нам, которое проявлялось и в ее обращении к каждому только на «Вы», выявлялся ее подлинный аристократизм. В ее жилах текла кровь грузинских князей. Натура аполлоновского типа, она всегда проповедовала гармонию. Само греческое слово "гармония" первоначально означало "скрепы", "связи", которые соединяют бревна. Она также скрепляла, соединяла своим словом людей, превращая их, хотя бы на время, в единомышленников.

Филологи, педагоги... У них все построено на логосе, на слове прежде всего. Нина Викторовна владела этим словом в совершенстве. Она говорила со вкусом, проверяя слово на растяжимость, упругость, звучность: ее знание языка было безукоризненным, словарь - огромным, каждое слово отличалось весомостью, потому что было обеспечено знаниями, накоплением которых она занималась всю жизнь.

Т.Н. Пашаева,
доцент кафедры русской литературы.

АРИСТОКРАТ ОТ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ **(Г. Г. Ханмурзаев)**

Кафедра русской литературы в 70-е годы была совсем другой. У нас, у молодых преподавателей, были свои учителя — кумиры, которым мы поклонялись и которых боготворили. Каждый занимал на кафедре свою нишу, каждый дополнял собой единый гармоничный организм. Николай Алексеевич Горбанев - тогда и теперь — непререкаемый авторитет. Галина Владимировна Гасанова - шарм, обаяние, взбалмошность, а Панова Людмила Константиновна, которую студенты обожали, — женственность, легкое ироническое отношение ко всему: она удивительным образом совмещала науку, учебную деятельность с личными доверительными отношениями со всеми. Бройтман Самсон Наумович — сочетание внешней простоты (кстати, вводившей многих в заблуждение) и бездонной духовной глубины. Мегаева Лира Ивановна - ну как обойтись без ее страстности, которую она вносит во все?

Герей Гамидович Ханмурзаев...Разве возможно, чтобы это было просто совпадение? –

Гирей сидел, потупя взор;

Янтарь в устах его дымился; Безмолвно раболепный двор

Вкруг хана грозного теснился.

Что движет гордою душою? Какою мыслью занят он? — любил цитировать Герей Гамидович, хотя ни грозным он никогда не выглядел, ни раболепного двора вокруг не было. Зато был Он – лучезарный, всегда в хорошем настроении, всегда спокойный, подшучивающий над всеми и над собой.

Он любил живую жизнь так, как никто: всегда готов был побалагурить, повеселиться. Вокруг него – всегда хоровод прелестных барышень-студенток. И не удивительно – высокий, стройный, приветливый, очень остроумный, добрый - ну как не тянуться к такому человеку! И влюблялись, и объяснялись, и благодарили! А уж как влюблялся Герей Гамидович!

Казалось, что он легко и непринужденно порхает по этой жизни, и ничто серьезное к нему не имеет никакого отношения. И даже свой, на неопытный взгляд, скучнейший и не совсем понятный (для юных прелестниц!) курс древнерусской литературы он читал завораживающе интересно: иронически, с юмором пересказывал (почти дословно) тексты. Память у него была феноменальная: он мог цитировать наизусть целые страницы из «Повести временных лет» или «Слова о полку Игореве», не говоря о «Жиль Блазе» или «Бедной Лизе».

Я никогда не могла его представить серьезным, сосредоточенным. Он никогда не рассказывал о том, как работает. Казалось, его диссертации (и кандидатская, и докторская), книги и статьи возникают каким-то непостижимым образом.

Герей Гамидович не любил смешивать одно с другим: общаться так общаться, отдыхать так отдыхать, веселиться так веселиться. И лишь немногие знали, как ему трудно, имея большую семью, умудряться еще заниматься, писать, готовиться к лекциям.

Оптимизм и жизнелюбие – вот что главное в Герее Гамидовиче. Я помню, как однажды мы, тогда еще молоденькие лаборантки, отправились его навестить: он после тяжелейшего инфаркта только выписался домой. И что же? Ни единого слова о лекарствах, о режиме. Откуда-то появились пластинки, музыка - и вальс. «Как я мечтал в палате, что наступит день, и буду снова танцевать!» – вот его слова.

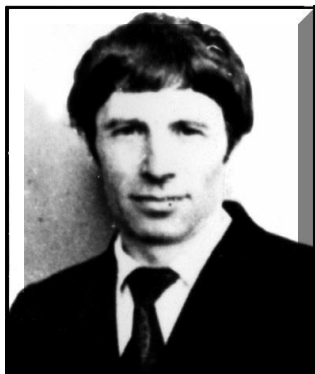
При имени Герей Гамидович Ханмурзаев редко кто не улыбается и сейчас. Помню, была в Москве, зашла по его поручению в МГУ, к Татьяне Ивановне, старшей лаборантке кафедры русской литературы, женщине строгой и, по сути, заместителя заведующего. И что же? Вся официальность ее исчезла, она заулыбалась и стала расспрашивать.

Герей Гамидович был не просто увлекающимся человеком. Он ценил красоту, изящность, обладал тонким художественным вкусом и выглядел в любой ситуации аристократом от интеллигенции. Да он и был им!

К сожалению, такой тип человека-ученого теперь исчез. Все изменилось, изменились и мы. Но он, Герей Гамидович, остался в нашей памяти таким же - остроумным, интеллигентным, молодым...

Ш.А. Мазанаев,
профессор, зав. кафедрой русской литературы ДГУ.

САМСОН НАУМОВИЧ БРОЙТМАН

В 2005 году ушли из жизни известные филологи А. Чудаков, В. Топоров, М. Гаспаров, Е. Мелетинский, С. Бройтман.

Михаил Леонович Гаспаров – один из крупнейших теоретиков литературы, известный специалист по стихосложению. Одним из первых исследовал лирику О. Мандельштама, раскрывал секреты лирического мастерства А.Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Пастернака.

Владимир Николаевич Топоров – академик РАН, член многих международных академий, лауреат премии А.И. Солженицына, крупнейший знаток славяноведения и балканистики, специалист в области славянских древностей, автор работ по мифопоэтике.

Елезар Моисеевич Мелетинский – создатель энциклопедии «Мифы народов мира», автор работ по мифологии, поэтике волшебной сказки, героического эпоса.

Александр Павлович Чудаков – известный специалист, историк русской литературы и русской филологии. Автор работ о Чехове. Работал во многих российских вузах, ИМЛИ, преподавал русскую литературу в США, Германии, Англии, Южной Корее. Прозаик.

В ряду больших потерь филологов страны – Самсон Наумович Бройтман, профессор РГГУ, автор известных работ по теории литературы, исторической поэтике, лирике А. Пушкина, Б. Пастернака, А. Блока... Самобытный и талантливый ученый и педагог.

Когда пишешь о выдающейся личности, трудно избежать пафосности. Самсон Наумович Бройтман, несомненно, был выдающимся литературоведом и выдающимся человеком. Но сам С.Н. Бройтман избегал патетики, высокого пафоса, когда речь шла об окружающих. Высокую ноту он брал, когда речь шла о литературе, поэзии и поэтах.

Самсон Наумович шел в большую литературу очень простыми средствами - природный ум плюс труд. Ежедневный, упорный, творческий. В годы учебы он зарекомендовал себя как талантливый, одаренный студент. Затем по направлению поехал в далекий высокогорный Кахиб преподавать русский язык и литературу. Очень ценил эти годы и всегда помнил о своих первых учениках, тепло отзывался и об искренних и добрых горцах. В университете начинал тоже с очень простых вещей.

Помню, после подкурсов, где он работал, нам он начал преподавать практикум по обучению сочинению и выразительное чтение. Это потом он стал специализироваться по теории литературы и истории русской литературы конца XIX - начала XX веков. «Серебряный век» русской поэзии постигался через Самсона Наумовича. Позже он обращается к поэзии XIX века.

Никогда не избегал самых простых обязанностей - вместе со всеми ездил на виноградники, посещал общежития, мы ходили с ним на дежурство в качестве дружинников... Я принимал у него обязанности ученого секретаря совета филологического факультета. Много лет был куратором курса.

Но любимой стихией Самсона Наумовича Бройтмана была студенческая аудитория. Здесь он преображался. Ему доставляло истинное удовольствие общение с умной аудиторией. Мастерство лектора С.Н. Бройтмана было редкостным.

Другое увлечение Самсона Наумовича – научные кружки. Даже когда для многих они превратились в формальные обязанности, кружок С.Н. Бройтмана был творческой лабораторией. В этих кружках начинали свои первые научные доклады будущие учёные-филологи ученики С.Н. Бройтмана Дина Магомедова, Фарида Исрапова, Руслан Кадимов, Саида Насруллаева, Ахмед Ахмедов, Инна Бабиева, Муса Гаджиев и многие другие.

Делом жизни С. Н. Бройтмана становится наука о литературе. Благодаря Самсону Наумовичу Махачкала принимает эстафету знаменитых Бахтинских чтений. Самсон Наумович выпускает уникальный сборник «Хронотоп». Близкое знакомство со многими выдающимися учеными - литературоведами, общение с М.М. Бахтиным создает вокруг С.Н. Бройтмана огромное притягательное поле. Его приглашают в Москву, он становится одним из ведущих профессоров Российского государственного гуманитарного университета. Несомненно, благотворными для С.Н. Бройтмана были личные дружеские связи и общение с такими выдающимися литературоведами, работающими с ним рядом в Дагестанском государственном университете, как Н.А. Горбанев, Л.И. Мегаева, Н.В. Мелик-Саркисова, К.Г. Ханмурзаев и др.

Сегодня трудно представить литературоведческую науку без «Теории литературы», «Исторической поэтики», «Тайной поэтики Пушкина» и других фундаментальных работ, принадлежавших перу С.Н. Бройтмана. Жизнь не баловала Самсона Наумовича. Он тяжело переживал трагическую смерть жены и по-настоящему близкого ему по духу человека – Сталины Андреевны. В последние годы он боролся с тяжелым недугом, перенес ряд операций, но не сдавался, держался, много работал, до последнего сохраняя присутствие духа. В последние 15 лет рядом с ним была Нина Сергеевна Павлова, известный литературовед, крупный специалист по немецкой литературе, которая боролась с болезнью вместе с ним, сделала очень много, чтобы Самсон Наумович довел до конца все начатые работы. Московский период жизни С.Н. Бройтмана не был бы столь плодотворным без Н.С. Павловой.

Рядом с Самсоном Наумовичем многие годы были супруги, известные литературоведы Дина Махмудовна Магомедова и Натан Давидович Тamarченко. Так переплелись судьбы учителя и ученицы. А все начиналось в Махачкале, студентка 3 курса филологического факультета Дагестанского государственного университета Дина Магомедова взяла тему курсовой работы по лирике А. Блока у С.Н. Бройтмана. А через много лет профессор Д.М. Магомедова работала на одной кафедре с С.Н. Бройтманом в РГГУ. Дина Махмудовна опекала в житейских вопросах не совсем практичного своего учителя.

Самое ценное, что оставил С.Н. Бройтман после себя, – это научные труды и благодарные ученики.

Ф.Х. Исрапова,
доцент кафедры русской литературы.

О САМСОНЕ НАУМОВИЧЕ БРОЙТМАНЕ

Имя моего учителя я впервые услышала на одном из практических занятий по введению в литературоведение. Я училась тогда на первом курсе филологического факультета Дагестанского государственного университета, и наша преподавательница, как мне показалось, обращаясь именно ко

мне, сказала о том, что на факультете работает научный кружок, руководит им преподаватель кафедры русской литературы Самсон Наумович Бройтман, и посещать его могут все желающие. Я хорошо помню, как впервые пришла на заседание кружка: аудитория понемногу заполнялась, и я все думала, когда же появится руководитель. Оказалось, он уже был тут, ждал, пока все соберутся, и, сидя за партой, что-то писал, но вот встал, приветливо, как друзьям, улыбнулся присутствующим, поздоровался и выразил удовольствие по поводу того, что появились новые члены кружка. Его широкая, во все лицо улыбка, свидетельствующая о внутренней свободе и цельной, жизнелюбивой натуре, его готовность помочь начинающему так и остались у меня в памяти как самое сильное впечатление от первой встречи с Самсоном Наумовичем. Заседание началось, и до сих пор живо во мне ощущение совершенно новой атмосферы, всегда возникавшей в студенческой аудитории вокруг Самсона Наумовича. Это была атмосфера любимой работы, дела, которое делалось весело, живо, с приглашением к диалогу, к общим поискам и решениям. Мы знали, что нашего руководителя интересует наше мнение по поводу прочитанного, знали, что он даст высказаться каждому, что мы услышим от него, чем живет современное литературоведение, и порадуемся его собственным разборам художественного текста. Участники кружка знали, как удивительно Самсон Наумович читает стихи, и часто просили его почитать что-нибудь. Те, кто учился у Самсона Наумовича, вспоминают теперь, как звучали на его занятиях стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Анненского, Блока, Ахматовой.

Помню, как на одном из заседаний кружка Самсон Наумович читал «Марбург» Пастернака. Энергия чувства, энергия ритма совершенно преображали его. Так и просится эпитет из Маяковского «крикогубый», когда вспоминаешь мощь этого чтения, чистоту и напряженность артикуляции, богатство интонаций и точность пауз. Стихотворение начиналось: «Я вздрагивал. Я загорался и гас. Я трясся. Я сделал сейчас предложение...», - и ритм перебоев сердца поэта захватывал нас, слушателей, меняя ритм нашего дыхания, финал стихотворения возвращал нас к истокам поэтического вдохновения и звучал как

признание Самсона Наумовича в творческом соучастии:
В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Мне кажется, эти строчки были особенно дороги Самсону Наумовичу. Разбирая недавно со студентами мандельштамовское «Утро акмеизма» и дойдя до того места в статье, где говорится о «симфонии с органом и пением, такой трудной и вдохновенной, что дирижеру приходится напрягать все свои способности, чтобы сдержать исполнителей в повиновении», я подумала, что вот таким слитным дирижером и одновременно исполнителем стихов Пастернака был тогда Самсон Наумович.

Он проявлял необычайное терпение в разговоре с теми, кто приходил к нему на кружок. Он высоко ценил их доверие к себе, и знаком признательности было с его стороны сочувственное, искреннее внимание к высказываниям и письменным работам студентов. Он выслушивал нас, как я теперь понимаю, сильно сокращая ради наших выступлений то, что планировал сказать сам. Своим подчеркнутым вниманием Самсон Наумович давал говорящему возможность оценить и собственное «творчество»; но бывало и так, что, глядя на лицо руководителя нашего кружка, я замечала, что думает он о чем-то более серьезном и глубоком, чем фантазии молодого филолога. В начале 90-х он уезжает в Москву и начинает работать в только что созданном РГГУ, на кафедре теоретической и исторической поэтики. Теперь я видела его, когда он приезжал в Махачкалу к дочери, к друзьям, а с 1997 года я встречалась с ним уже в Москве достаточно часто, приезжая на конференции или проходя ФПК. Я стала его докторантом, и наше общение продолжалось теперь уже как на кафедре, на научных встречах и семинарах в РГГУ, так и дома, где рядом с Самсоном Наумовичем всегда была его жена и друг Нина Сергеевна Павлова.

Будучи одним из лучших преподавателей кафедры, любимцем студентов, безусловно выполняя все служебные обязанности и не уклоняясь от так называемых «общественных поручений», Самсон Наумович оставался человеком своих внутренних, личных заданий,

подчиняясь тому ритму работы, который он сам себе задавал. Дружба с Натаном Давидовичем Тамарченко, как мне кажется, питала тогда именно этот, внутренний план его жизни, радуя общением с единомышленником и развитием любимых идей. Из тех лет, когда Самсон Наумович еще работал в ДГУ, почему-то очень хорошо помню одно утро: уже подходя к нашему корпусу, идя в тени деревьев по улице Радищева, я различаю идущего впереди Самсона Наумовича, нагоняю его, мы идем вместе, — и столько бодрости, столько радостного предвкушения работы было в его походке, столько задора в его улыбке, столько воодушевления в словах, что мне стыдно стало своих страхов перед предстоящим занятием, перед студентами. Не знаю, почему я так решила, но мне кажется теперь, что отличное настроение было у моего учителя потому, что накануне он замечательно поработал и теперь, довольный результатом своего труда, охотно идет к студентам. Может быть, он сам мне об этом сказал, теперь уже не могу вспомнить, но здоровый, свежий пафос того утра стал определяющим в моей преподавательской деятельности: идти к студентам не просто давать занятие по расписанию, но стремиться поделиться с ними своими находками, трудностями и открытиями.

Хорошо помню, какой разговор состоялся у меня с Самсоном Наумовичем, когда он приехал в Махачкалу летом, уже после его пребывания в Польше, где он читал лекции как приглашенный профессор. Я показала Самсону Наумовичу статью о художественной форме в теории и поэтической практике немецких романтиков, и меня удивил и обрадовал тот интерес, который Самсон Наумович проявил к этому небольшому исследованию. Его тогдашний облик врезался мне в память: он показался мне иным, чем раньше. Что-то новое проступало в его молчаливости и глубокой сдержанности. Явственнее стала его новая, как бы кристаллическая природа: как если бы внутри себя он стал еще светлее, еще тверже и прозрачнее.

Задумывая сегодня статью об особенностях сюжета авторефлексивного стихотворения, я и удивляюсь, и радуюсь тому, как много сделал и в этой области Самсон Наумович, — достаточно перечитать и его «Историческую поэтику», и более раннюю книжку, посвященную русской лирике 19 - начала 20

века, в свете исторической поэтики. Сейчас происходит то, о чем мечтал Самсон Наумович, – идея исторической поэтики овладевает сознанием читателя-филолога. Оказалось, что писать о Самсоне Наумовиче невероятно трудно; не пишется потому, что в текст о нем просятся и слова благодарности за его человеческую доброту, и мысли, слов для которых я не нахожу. Здесь хотят поместиться и мои новые разборы, и старые, незаконченные еще вещи, чтобы стать реализацией, развитием его идей и его прозрений. Память о нем оживляет то, о чем я думала, когда писала ту или иную статью, и я не могу отделить моего рассказа о Самсоне Наумовиче от тезиса Пастернака о «чересполосности, которая царит в лирически нагнетённом сознании», от мысли Мандельштама об обратимости поэтической материи, от шлегелевской идеи «поэзии поэзии» и от слов Ницше о «жутком образе сказки, умеющем оборачивать глаза и смотреть на самого себя; теперь он в одно и то же время субъект и объект, в одно и то же время «поэт, актер и зритель».

И, чтобы отступило чувство потери, слова благодарности Самсону Наумовичу торопятся уступить место делу долга. Как он сам мне писал: горе отступает в работе...

Г.Н. Сивриди,
доцент каф. методики преподавания
русского языка и литературы

МОИ НАСТАВНИКИ, МОИ КОЛЛЕГИ

После двух лет работы учителем и завучем в одной сельской школе я был приглашён в пединститут в качестве освобожденного секретаря комитета комсомола. Мне дали также полставки ассистента кафедры русского языка (это было в октябре 1956 года). Заведовал кафедрой Борис Иванович Скупский.

Б.И.Скупский, родом из Винницкой области, что на Украине, после войны, участником которой он был, закончил киевский пединститут, потом аспирантуру при Институте языкознания АН СССР и в 1953 году был направлен на работу в Даггоспекпединститут. Около 30 лет возглавлял он кафедру русского

языка, за эти годы защитил кандидатскую, потом докторскую диссертацию, стал одним из крупнейших славистов страны, чьи труды публиковались в стране и за рубежом и высоко оценивались специалистами. В 50-ые - 60-ые годы не было хорошего учебника по старославянскому языку. Такой учебник был написан Борисом Ивановичем. Как сейчас помню, он сам, лаборанты кафедры, молодые преподаватели паковали учебники, рассылали бандероли и посылки в десятки вузов страны, откуда приходили заявки. После преобразования пединститута в университет в учебные планы вошли новые дисциплины, и Б.И. Скупский стал вести курс «Введение в славянскую филологию», занятия по польскому языку (говорят, он в совершенстве владел украинским и польским языками, изучал другие славянские языки и, что уж знаю точно, занимался древнегреческим). Б.И. Скупский был хорошим организатором, мудрым наставником молодых преподавателей. Неординарная личность, крупнейший ученый, он был открыт, доступен, демократичен. Они с супругой не пропускали ни одной праздничной демонстрации, ни одного студенческого вечера, концерта художественной самодеятельности. В первые годы его работы в доме у Скупских нередко студенты отмечали разные праздники. Борис Иванович находил время и для работы в палисаднике (мы были соседями), и на даче, любил выращивать цветы. Сейчас я думаю, что руководство университета не оценило по достоинству заслуги ученого: насколько я знаю, он так и не был удостоен никакого почетного звания. Сам он к этому относился спокойно, зато гордился правительственными наградами СССР и Польской Народной Республики, которые получил за боевые заслуги.

Если кто и мог быть поставлен рядом с Б.И.Скупским, так это прежде всего Рашель Иосифовна Лихтман. Болезнь помешала ей завершить докторскую, осуществить интересные научные планы, но то, что было ею сделано, коллектив оценивал высоко. Это был, пожалуй, самый требовательный и в то же время очень справедливый преподаватель. Рашель Иосифовна вела трудный предмет - историческую грамматику. Если в технических вузах говорили: «Сдал сопромат – можешь жениться», то на филфаке говорили: «Сдала историю языка – можешь выходить

замуж!» Больше всего неуспевающих было по этому предмету, поэтому в годы существования т.н. «процентомании» Рашель Иосифовну не раз «вызывали на ковер», заносили в «черный список», но она не опускала планку. Помню, несколько лет назад на банкете по случаю 30-летия окончания университета один из бывших ее учеников, обращаясь к ней, сказал: «Да, тогда, студентами, мы вас боялись, ругали, так как лишались стипендии, могли быть отчислены из-за вашего предмета. Но мы никому так не благодарны, как вам, за полученные знания, за то, что вы научили нас учиться, ответственно относиться к тому, чем занимаешься».

Хотя Р.И. Лихтман в основном вела историческую грамматику, ее научные интересы были разносторонними, широкими. Особый интерес студентов вызывал разработанный ею спецкурс по трудным вопросам словообразования. Она является одним из авторов «Энциклопедического словаря юного филолога», ее статьи печатались в разных центральных изданиях. Ученица известного лингвиста А.А. Реформатского, она поддерживала тесные связи со многими известными лингвистами. Сейчас несколько учеников Рашели Иосифовны плодотворно трудятся на кафедре русского языка, продолжая ее традиции.

Многим я обязан Лидии Романовне Евсеевой, несколько лет заведовавшей кафедрой русского языка, и, конечно же, защитой кандидатской диссертации, работа над которой неоправданно затянулась. Л.Р. Евсеева читала курс современного русского языка, я вел за ней практические занятия в одной из групп. Старался не пропустить ни одной лекции. Меня всегда поражало то, что самые трудные лингвистические темы она могла преподнести доступно, логично, при этом не упрощая, не упуская главного. Некоторых удивляло, что все студенты любили ее, хотя она «держалась на расстоянии», соблюдала дистанцию, секрет, на мой взгляд, заключался в том, что, помимо глубокого знания материала, она обладала тем, что называют педагогическим тактом: она была объективна, ко всем относилась одинаково доброжелательно, не повышала голоса, не любила читать мораль.

Научных публикаций у Лидии Романовны было немного, но она внесла определенный вклад в русское языкознание: пожалуй,

нет лингвиста, занимающегося проблемами словосочетания, кто не ссылался бы на ее работу.

Многие годы сторонясь общественной работы, Л.Р. Евсеева, став зав. кафедрой, проявила незаурядные организаторские способности, смогла сплотить коллектив, направить его на решение задач, выдвигавшихся временем.

Правильно говорят: нет пророка в своем отечестве. Только побывав несколько раз на курсах повышения квалификации в МГУ, ЛГУ, я понял, что такие наши преподаватели, как Б.И. Скупский, Н.Я. Судакова, Р.И. Лихтман, Л.Р. Евсеева по своему педагогическому мастерству не уступают своим столичным коллегам.

Георгий Сивриди,
доцент ДГУ.

УХОДЯТ... ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ

Мы были знакомы более полувека, но сейчас никак не припомню, когда именно и при каких обстоятельствах произошло наше знакомство. Встречались редко, общались мало, в основном или на научных конференциях, или на защитах дипломных, диссертаций. В какое-то время ее муж Евгений оказался среди моих студентов, а по прошествии нескольких лет и ее сын Артем, с которым мы уже более 20 лет коллеги. Кажется, совсем недавно мы проводили ее в последний путь – Плохарскую Маргариту Артемовну, и вот неожиданная встреча: у меня в руках ее книга «Свеча, зажженная классиками»

Прочитав первую часть – «Диалог со временем», я как бы вместе с автором вспоминал прошедшие десятилетия и тех, кто тогда жил рядом. Все эти годы думалось, что живем в «параллельных мирах», а оказалось – в одном. Я и не подозревал, что у нас было столько общих знакомых.

С 1949 по 1954 я работал старшим пионервожатым в мужской средней школе №1. Как оказалось, именно в эту школу и привели Маргариту в первый класс. С гордостью она пишет о директоре Омарове Саиде Магомедовиче: «Это был достойнейший человек в республике, один из первопроходцев

системы образования, с его семьей до сих пор живы контакты и память детской восторженности, зачарованности его образом». А я горжусь тем, что гимназия №1 носит сейчас имя Саида Магомедовича.

Уже на первых страницах книги встречаю такие знакомые фамилии. Школьная подруга с 1-го класса Люба Яникиан стала женой нашего преподавателя кафедры физвоспитания, грека по национальности Федора Кириади. Какое-то время мы жили в одном университетском доме по улице 26 Бакинских комиссаров.

Приятной неожиданностью для меня было увидеть фамилию Асатурова. В летние месяцы я работал вожатым в пионерлагере коммунальников, и «дядя Миша» часто бывал у нас, любил играть с ребятами в волейбол, дети привязывались к нему.

Еще несколько страниц – и опять знакомые фамилии. С.Ю. Алибеков, по-моему, долгие годы был директором мединститута. Его сыновья Султан и Тамерлан были моими пионерами, а дочь Тамара училась в одном классе с моей будущей женой. Вместе с Катей Рязановой, комсоргом 2-ой (женской) школы, мы проводили совместные пионерские сборы, комсомольские вечера. В их классе училась и Тамара Сафаралиева (Габибова), не только прекрасный врач, но и талантливая журналистка, и «просто красавица» («на пьедестале махачкалинских красавиц первая» – это цитата).

Много теплых воспоминаний вызвала фамилия Багировых. Абаса Яхьяевича знал много лет по Институту повышения квалификации учителей, куда меня приглашала читать лекции по методике русского языка зав. кабинетом Наида Моллаева (ее упоминает Маргарита Артемовна как одну из своих лучших студенток), хорошо знаю его дочерей.

Агабабовы – фамилия, известная в Дагестане многим. Знал всю их большую семью (мы жили недалеко друг от друга). С Сергеем, известным композитором не был знаком. Яшу знал по 1-ой школе, а младший их брат Аркаша был моим пионером, с ним мы много общались. На открытии торжественных пионерских сборов он пытался на расстроенном пианино играть гимн. По окончании школы поступил в Ленинградскую консерваторию, стал композитором.

«Подруга по школе и жизни» Сура Гамдулаева была моей однокурсницей, в те годы мы ее звали Шурой. Ее девичью фамилию сейчас мало кто помнит, но многие учителя-словесники хорошо знают Суру Сарыевну Мамедову, одну из лучших учительниц школы №4, потом работника Института повышения квалификации учителей, гороно.

Не могу не сказать и о доме, в котором жил автор книги, – о доме по ул. Горького №15. Здесь жила семья известного нефтяника О.А. Межлумова. С его сыном Михаилом я учился в семилетней мужской школе №11, что была на углу улиц М. Гаджиева и Дзержинского. Позднее, в начале 50-ых, мне, вожатому 1-ой школы, горком комсомола поручил летом организовать дворовый лагерь (этот лагерь упоминает и Маргарита Артемовна). В этом году меня пригласили на встречу выпускников физфака ДГУ 1962 года. Один из них, Руслан Султанов, живший в том доме, вспомнил не только студенческие годы, но и лагерь, вспомнил, как жильцов утром будили звуки горна, как устраивали концерты, соревнования.

Хотя этот дом называли «Домом нефтяников», но в нем жили ученые и историки, и биологи, и физики, и филологи. Я не раз бывал в этом доме у своего преподавателя и коллеги, заслуженного учителя ДАССР Нины Яковлевны Судаковой. Ее муж – Махмуд Магомедович Магомедов – был руководителем педпрактики, проректором по АХР.

Большую часть первой книги М.А. Плохарской занимают отзывы о коллегам, филологах, работавших и работающих в ДГУ и ДГПИ. Характеристики из двух-трех фраз, но каких верных, емких. Именно такой я знал Л.И. Мегаеву, такими знаю профессоров Н.А. Горбанева, К.Г. Ханмурзаева, доцента У.С. Ахмедову и многих других. Как не знать профессоров Камала Абукова, З.Н. Акавова, С.-М. Акбиева, А. Кукуева, когда они были моими студентами!

Для каждого Маргарита Артемовна находит свои, добрые слова, только хорошие, о живущих и, к сожалению ушедших из жизни. Причем, не повторяется! Не думаю, что она смотрела на все и на всех, «сквозь розовые очки»: о чем-то говорит тот факт, что кое-кого из коллег она не упоминает; так, может резко, но

справедливо она пишет о некоторых высокопоставленных чиновниках от образования.

Так же остро она пишет о «современных архитектурных парадоксах», о «многоэтажных монстрах», закрывающих не только горы, но в некоторых местах и небо.

Через всю книгу красной нитью проходят мысли о литературе, о профессии филолога, педагога.

Думаю, не останутся незамеченными и стихи Маргариты Артемовны. Они для меня были открытием.

Но главное – люди. Что ни имя, то личность. Многие из них немало сделали для города, для республики. В связи с юбилеем Махачкалы много писали о городе. Да, был такой город. Но были и такие Люди! И, слава богу, еще есть!

Перечитывая строки, посвященные школьным учителям, вузовским (ленинградским) преподавателям, московским ученым-литературоведам, строки, посвященные ее любимым студентам, я могу сказать об авторе: Маргарита Артемовна Плохарская (Галегова) была и осталась благодарной ученицей и доброй, любящей наставницей.

И, конечно, хочется поблагодарить автора проекта «Русско-Кавказский мир» Саиду Муртузалиеву, редактора Дагкнигоиздата (и, кстати, ученицы М.А. Плохарской), благодаря которой эта замечательная и нужная книга увидела свет.

*Г.Н. Сивриди, доцент
кафедры методики преподавания русского языка и
литературы*

МОИ УЧИТЕЛЯ

Считаю, что нам, студентам пединститута начала 50-ых годов, повезло с преподавателями. И пусть тогда у них не было высоких ученых степеней, почетных званий, мы их ценили и ценим за те глубокие знания, что они нам передавали, за педагогическое мастерство, за атмосферу сотрудничества. Даже преподаватели неспециальных дисциплин: известный в

республике педагог, общественный деятель Саид Магомедович Омаров, психолог Емельян Яковлевич Криштопа, историки Расул Магомедович Магомедов, Шамиль Буттаевич Арчилаев, молодые философы супруги Савины Владимир Николаевич и Татьяна Владимировна - вызывали у нас восхищение.

Особо хочется сказать о преподавателях-филологах.

Нина Яковлевна Судакова читала нам один из трудных курсов - историю языка, но нам он казался одним из самых интересных. Уроженка г. Камешково Владимирской области, она после окончания Ивановского пединститута и аспирантуры при Московском городском пединституте, где ее научным руководителем был замечательный лингвист Г.О. Винокур, в 1947 году была направлена на работу в Дагестан.

Многие годы Нина Яковлевна заведовала кафедрой русского языка, кафедрой методики русского языка. Какие бы дисциплины она ни вела, будь то современный русский язык, культура речи, практический курс русского языка, она в каждую из них вносила что-то новое, свое, ее занятия коллеги считали эталоном, на который надо равняться.

Многое сделала Н.Я. Судакова для улучшения преподавания русского языка в школах и вузах Дагестана. Она была одним из соавторов школьных учебников для начальных классов, ее пособием по фонетике русского языка до сих пор пользуются в университете. В 1972 году вышла I часть ее капитального труда «Из истории методики преподавания русского языка в нерусской школе», который должен был стать основой докторской диссертации. К сожалению, по некоторым обстоятельствам он не был завершен.

В том же, 1972 году, за заслуги в деле подготовки педагогических кадров Н.Я. Судаковой было присвоено почетное звание заслуженного учителя школы ДАССР.

В памяти учеников Н.Я. Судакова осталась как яркая личность, подлинный ученый, методист, замечательный педагог.

Своим обращением к методике я обязан, прежде всего, Валентине Митрофановне Криштопа, читавшей нам этот курс. Признаться, предмет мне казался легким, некоторые лекции я даже не писал, но по окончании института, работая в сельской

школе, старался каждую субботу встретиться с преподавателем, получить ответы на постоянно возникавшие вопросы.

В 30-е годы В.М. Криштопа работала в школах Махачкалы, с 1944 года являлась научным сотрудником НИИ школ (теперь Институт педагогики), с 1949 года стала преподавать в пединституте. В 1960 году благодаря ее многочисленным публикациям, учебникам и пособиям, она, не имеющая ученой степени кандидата наук, была утверждена в звании доцента. Ей еще в 1940 году было присвоено почетное звание заслуженного учителя ДАССР, она была награждена орденом «Знак почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», почетными грамотами.

В 1967 году из печати вышла книга «Методика обучения русскому языку в дагестанской школе», где помещены основные ее работы по методике, дан обзор учебников русского языка и пособий, автором или соавтором которых была Валентина Митрофановна. Многие ее бывшие студенты (сейчас это убеленные сединами люди) с благодарностью вспоминают ее занятия, говорят, что именно ей обязаны хорошим знанием языка.

А сколько студентов овладело педагогическим мастерством в школах, в которых, она руководила педпрактикой! Чаще всего это была школа № 1. Одно время я руководил практикой в соседней, 14-ой. Поздно вечером я приходил в 1-ую школу, зная, что она еще там. Иногда до 11-12 ночи она обсуждала проведенные уроки или планы на следующий день.

Для меня Валентина Митрофановна, профессионал, труженица, была и осталась идеалом, образцом для подражания.

Добрый след оставили и доцент Мария Савельевна Шершнева, и преподавательница Вера Андреевна Стрижко, участница Великой Отечественной войны. Честная, принципиальная, требовательная к себе и студентам, она пользовалась у нас уважением.

Пожалуй, самой молодой и самой обаятельной была наш куратор Галина Александровна Никонова. Некоторые мои однокурсники, бывшие фронтовики, были намного старше ее, но «соблюдали дистанцию». Галина Александровна работала до последнего времени (это поколение тружеников) и лишь сравнительно недавно ушла на заслуженный отдых, мне

посчастливилось многие годы работать со своими учителями на одной кафедре.

**Магдилова Р.А.,
доцент кафедры дагестанских языков ДГУ.**

**ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУКЕ
(Г.И. Мадиева)**

Я очень горжусь, тем, что могу причислить себя к любимым ученикам Мадиевой Гюльжахан Исмаиловны, что имела большое счастье слушать ее лекции с первого по последний курс.

Никогда не забуду наше первое с ней знакомство. Эта преподавательница поразила меня. Почему-то мне хотелось сравнить ее с маленьким, всегда горящим огоньком, который бьется, и в то же время может пребывать в спокойствии. Очень интересно было наблюдать за ней, за ее, движущимся с огромной скоростью потоком мыслей, рассуждениями, и ее реакцией на происходящее. Казалось, ничто ее не тревожит, не волнует, кроме своего любимого аварского языка. Если бы попробовала ассоциировать ее с какими-то качествами характера, то я выбрала бы доброту, потому что это качество очень ярко было в ней выражено. В те далекие годы для нас она была уникальным человеком, пришельцем из какого-то другого, совсем чистого, честного, неведомого нам простым смертным, мира. Уникальность ее состояла и в том, что она соединяла в себе дар незаурядного ученого, позволившего ей проложить путь в целый ряд областей лингвистики, и талант быть человеком скромным,

отзывчивым, добрым, всепрощающим. Слова эти может быть и банальны, но все знают, как редко эти разные качества соединяются в одном человеке. В своем любимом преподавателе мы всегда замечали много детского. И эта детская обидчивость, постоянная открытость к новому и любопытство к самым разным чудесам большого пестрого мира делали ее чистой, родной, близкой, доброй.

Но, с другой стороны, эта добрая женщина умела быть бескомпромиссной и упорной - многие бы даже сказали, - упрямой, когда дело касалось науки. То, что она считала верным, она защищала до конца с поразительной храбростью и упрямством, хотя как настоящий ученый она не была догматиком. Мадиева Гюльжахан Исмаиловна – известный ученый и педагог, всю свою жизнь посвятила служению родному аварскому языку, воспитала сотни и сотни учителей родного языка, многие из которых стали заслуженными учителями, известными учеными. Мадиева – это светлый образ горской аристократки. Аристократизм, утонченность манер отражалась во всем - в ее поведении, внешности, в одежде. Она никогда не изменяла коричневому цвету и всем его оттенкам. Всегда аккуратная, с красиво собранными в узелок волосами, приветливая преподавательница была всеми узнаваема и почитаема на улице Гаджиева. Она носила красивые часики, одно единственное колечко на безымянном пальце, подарок отца, которое она периодически целовала и бережливо протирала коричневым платочком, маленькую коричневую сумку, купленную в Ленинграде. Из Ленинграда тогда были привезены в подарок нам - студентам коричневые футляры для проездных билетов. Мы много знали, о ее любимом городе, городе который приютил ее, дал ей путевку в большую науку.

Путь скромной горской девушки в науку был не легок. Родилась она в 1917 году в г. Буйнакске (Темир-хан-Шуре). Родители были из Гунибского района и сохраняли тесные связи с родным селением Чох. Гюльжахан была единственной любимой дочерью в семье известного тогда государственного служащего. В 1936 году девушка окончила школу и мечтала поступить в медицинский институт, стать врачом. Однако судьба распорядилась иначе. Ее отец не избежал участи своих

ровесников, за то, что похвалил немецкую технику, был репрессирован как «враг народа». Вслед за отцом в Сибирь была сослана и мать. Понимая, что ей как дочери «врага народа» дорога в мединститут в родном городе будет закрыта, она поехала в Симферополь, и там поступила в медицинский институт. Проучилась год, пока не узнали о том, что она дочь «врага народа». Вскоре была исключена из института и вернулась на родину. Поступила на первый курс мединститута у себя на родине, в Махачкале, но и тут благодаря «доброжелателям» стало известно кто ее родители. Гюльжахан вторично исключили сначала из комсомола, а потом и из института.

В этот тяжелый для девушки период судьба свела ее с «самым лучшим человеком на свете», как любит называть своего покойного мужа Гюльжахан Исмаиловна, с Гасаном Мадиевым. Он был директором первого аварского педучилища, воспитал плеяду известных ученых и поэтов, в числе которых на первом месте - Народный поэт Дагестана Расул Гамзатов.

В 1938 году Г.И. Мадиева поступила на кавказское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета. Учебу прервала начавшаяся Великая Отечественная война. Два месяца жила девушка в блокадном Ленинграде, испытала все ужасы бомбежек, голода, холода. Месяц длилась эвакуация. Пока добиралась до родных мест, она была так измучена, что муж, который не ожидал ее увидеть в живых, еле узнал.

С 1941 по 1944 год Г.И. Мадиева работала преподавателем в Гунибском педучилище. В 1946 году она стала научным сотрудником института школ имени Тахо-Годи. После войны, в 1948 году восстановилась и продолжила учебу в ленинградском государственном университете. Ей, единственной девушке с Кавказа, читали лекции знаменитый академик И.И. Мещанинов и известный кавказовед А.Е. Бокарев, кого она с любовью и благодарностью вспоминает всю свою жизнь, рассказывает своим студентам и коллегам. Талантливая студентка из Дагестана за год окончила два курса университета.

К тому времени из ссылки вернулись родители. Жизнь начала налаживаться. Г.И. Мадиева в 1950 году поступила в

научно-педагогическую аспирантуру Института языкознания АН СССР. Она была первой горянкой, ставшей кандидатом наук. Гюльжахан Исмаиловна блестяще защитила диссертацию на тему «Грамматический очерк бежтинского языка». Она уже работала на кафедре дагестанских языков Дагестанского государственного университета, занималась научной и педагогической деятельностью. О том времени Гюльжахан Исмаиловна не без иронии вспоминает, что многие ее студенты годились ей в отцы.

Муж Г.И. Мадиевой рано ушел из жизни. Детей у них не было. Смыслом жизни Гюльжахан Исмаиловны стали мы – ее студенты, наука, любимые книги, которым она отдала все силы. Эта интеллигентная женщина, похожая на английскую аристократку, была любимицей всего университета. Не найдется в Дагестане и даже дальнего уголка, в котором не работают ее студенты. Эта фамилия всегда на устах старшего поколения, для которых Дагестанский государственный университет ассоциируется с именем Гюльжахан Исмаиловны Мадиевой.

Мадиева Гюльжахан Исмаилова является автором почти всех учебников и учебных пособий, ею написаны многочисленные статьи по разным проблемам аварского языка, много монографий. Работы ее оказали значительное влияние на развитие современного аварского литературного языка, всего дагестанского языкознания.

Официальное признание к Мадиевой Гюльжахан не спешило. Всю свою жизнь она осталась в ДГУ в скромной должности доцента. Да и сама Гюльжахан не особо гонялась за почестями. Зато для коллег и для студентов университета Гюльжахан Исмаиловна давно является и доктором и профессором. Она пользовалась заслуженным авторитетом в научном сообществе. Ее цитируют, на нее ссылаются известные специалисты. Слишком рано Гюльжахан Исмаиловну отправили на заслуженный отдых. Она ушла тихо, скромно, без почестей и благодарностей. Со слезами на глазах вспоминает великий ученый свой факультет, кафедру, любимых студентов. Состарилась резко Гюльжахан от тоски по любимым студентами. Невольно вспоминаешь изречение известного мыслителя: «Не хвали человека, пока он жив», - вот правило, изобретенное завистью и слишком поспешно подхваченное философами.

Напротив, я утверждаю, что человека нужно хвалить при жизни, если, конечно, он того заслуживает. Отважиться воздать ему должное надлежит именно тогда, когда зависть и клевета ополчаются на его добродетель и талант. Похвалить от души не опасно, опасно незаслуженно огорчить».

Н.Ш. Абдулмуталибов,
доцент кафедры дагестанских языков.

РАДЖИДИН ИДАЯТОВИЧ ГАЙДАРОВ

Говорят, счастлив тот, у кого хороший учитель и наставник. Мне повезло стать учеником Раджидина Идаятовича Гайдарова.

Я знал его как человека исключительной совести, ответственности и принципиальности. Его отличала научная и творческая активность, готовность оказать помощь другим, особенно молодым, интернационализм взглядов. Р.И. Гайдаров был неповторим, оригинален как оратор и лектор. К его мнению неизменно прислушивались научная и творческая интеллигенция. Огромный жизненный опыт, педагогическое мастерство, интеллект позволяли ему развивать в студентах все лучшее, а также поддержать ростки нового, любое ценное начинание. Неизменно доброжелательный и справедливый он обладал удивительной способностью воодушевлять и вдохновлять учеников и коллег. Он был открыт не только для своих коллег, но и каждому, кто бы к нему не обращался. Р.И. Гайдаров был

интереснейшим собеседником, к нему шли люди за советом. Его мудрый наказ многим помог не совершать ошибок.

Мудрость, ум, соединенный с добротой, верность своим идеалам, своей безупречной фронтовой молодости, своей родине, семье, друзьям, народу, в конечно счете, верность правде – истине, правде – справедливости, принесло Р.И. Гайдарову доброе имя и ту спокойную совесть, которая ценнее всего в старости.

Мудрый, открытый и отзывчивый – учитель мой – яркая фигура дагестанского языкознания и культуры. Горжусь тем, что являюсь его учеником.

**Мазанаев Ш.А.,
декан филологического факультета,
профессор кафедры русской литературы**

УНИВЕРСИТЕТ В СУДЬБЕ М.-С. ГУСАЕВА

Магомед-Салих Гусаев был той редкой личностью, который мог сочетать в себе талант политика, организатора и человека. Это редкий дар. И такие люди надолго остаются в памяти людей.

Мы были с ним знакомы с детства. Я хорошо знаю его близких и родных. Часто задаю себе вопрос - в кого он был такой? Мне кажется, от своего отца он унаследовал удивительную доброту, обаятельность, жизнестойкость. От матери - житейскую мудрость, организаторский талант, дальновидность. И конечно, были

уроки жизни, опыт работы, друзья, коллеги. Салих не стеснялся учиться, спрашивать, советоваться. Это тоже дано не каждому.

Сегодня о М.-С. Гусаеве пишут многие. К сожалению, упускают, что вся его жизнь была связана с Дагестанским государственным университетом.

Это был университетский человек. Здесь он учился, окончил два факультета - очно, с отличием исторический факультет, заочно, тоже с отличием экономический факультет. Здесь он начинал свою трудовую деятельность.

Собственно в университете происходило его становление, формирование. А в последний год своей жизни заведовал кафедрой на отделении журналистики филологического факультета. Причем работал со студентами с большим удовольствием, очень эффективно. Строил планы, за неполный год сделал столько, что иному опытному заведующему кафедрой не под силу делать годами. Салих очень любил университет. Он считал его своим родным. Университет всегда отвечал ему взаимностью. У него были прекрасные учителя, наставники, которых он почитал всю жизнь. Он очень тепло и искренно относился к бывшему ректору университета Абилову Абуталибу тогдашним секретарем партии Шапи-Гаджи Абдуллаевичем Исаевым. И Салих Гусаев, как говорится, отправился в большое плавание. Не будь этого эпизода, наверное общественный темперамент С. Гусаева все равно бы проявился. Может быть, по-другому, в других обстоятельствах. Но начало было такое. И это чистая правда, без прикрас и фантазий. А потом С. Гусаев вырос в руководителя республиканского масштаба. Политиком же он был, пожалуй, российского и даже мирового масштаба. И это тоже правда, и тоже без преувеличения. Последняя встреча с С. Гусаевым в университете у нас состоялась в августе 2003 г. Это было время каникул, отпусков. Но многие студенты отделения журналистики проходили практику в газетах и журналах. С группой ребят, проходящих практику на телевидении, произошло недоразумение. С. Гусаев приехал в университет, принял активное участие в устранении недоразумения. Словом и

делом помог ребятам. Закупил для них целую библиотеку специальной литературы. И прощаясь со мной, сказал слова, которые никак не могу забыть: "Как бы я хотел остаться в университете, жить и работать без суеты". Видимо, это была несбыточная мечта Магомед-Салиха Магомедовича - жить спокойно, без суеты. Он жил очень активно, словно в цейтноте. Не успевал, торопился, брал на себя всю ответственность. После первого покушения, когда он чудом уцелел, я как-то сказал Салиху, что он слишком близко стоит к огню. Огонь греет тех, кто стоит в стороне, а не тех, кто переступил опасную черту. На что мне Салих ответил, что он не может быть в стороне. Быть в гуще событий, в эпицентре - это был стиль жизни М-С. Гусаева. В период катаклизмов выжить в эпицентре очень тяжело.

**Домашенко Г. А.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка.**

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ЛИЧНОСТЬ (Б.И. Скупский)

40 лет проработал на кафедре русского языка Дагестанского университета доктор филологических наук, профессор Борис Иванович Скупский – известный не только в России и СССР, но и в Европе специалист в области славяноведения и старославянского языка. Борис Иванович Скупский родился 18 января 1920г. в г. Черновцы Винницкой области в семье служащего. В 1937 году поступил на факультет

русского языка и литературы Киевского пединститута им. М. Горького. Но учеба растянулась на 11 лет: была прервана службой в органах безопасности, где он был переводчиком с 1939 по 1940г., и Великой Отечественной войной. По окончании артиллерийского военного училища Борис Иванович был направлен в Войско Польское, сформированное на территории СССР, где до конца войны в должности комбата сражался против немецко-фашистских захватчиков. За боевые заслуги был удостоен правительственных наград СССР и ПНР. Учебу в вузе удалось продолжить лишь после войны. В 1948 году Борис Иванович окончил пединститут, после чего в течение года работал учителем в одной из школ г. Киева.

В 1949г. он поступил в аспирантуру при Институте языкознания Академии Наук СССР. После ее окончания в 1953 году был направлен на работу в Дагестанский пединститут. С 1 сентября 1953 г. Борис Иванович начинает свою педагогическую деятельность на кафедре русского языка и в том же году защищает кандидатскую диссертацию «Совпадение форм именительного и винительного падежей у существительных мужского рода в древнерусском языке».

На становление Бориса Ивановича как ученого самое большое влияние оказали профессор П.С. Кузнецов и академик В.В. Виноградов. На кафедре русского языка Дагестанского пединститута (с 1957г. -университета) появляется специалист по истории русского языка с широким диапазоном читаемых им дисциплин: старославянский язык, русская диалектология, историческая грамматика. Борис Иванович разрабатывает спецкурсы «История задненёбных согласных в русском языке», «Упрощение системы именного склонения в древнерусском языке», «Основы русской пунктуации», «Из истории русской пунктуации»).

С 1955 по 1988 гг. с небольшими перерывами, связанными с напряженной научной работой, Борис Иванович заведует кафедрой русского языка.

Основную область научных интересов Бориса Ивановича Скуп-ского составляют теоретические проблемы славянского перевода Евангелия. Борис Иванович свободно владел тремя славянскими языками: русским, украинским и польским. Эти

языки для него были родными, так как он пользовался ими с детства. В процессе исследования языка старославянских памятников Борис Иванович изучил и другие славянские языки, а также древнегреческий язык.

Сосредоточившись на проблемах старославянского языка, Борис Иванович создает учебную литературу для студентов. Сначала он издает курс лекций по всем разделам старославянского языка для студентов-заочников с учетом национальной специфики вуза. Но особое место среди учебной литературы занимает учебник «Старославянский язык» в двух частях (1965-1967гг.). Книгу отличает высокий научный уровень в сочетании с доступной манерой изложения. О глубине эрудиции автора свидетельствует перечень ссылок на научную литературу, в котором, кроме отечественных ученых, представлено большое число зарубежных. Заслугой Б.И. Скупского является разработка малоизученного синтаксиса старославянского языка – второй, самостоятельной части учебника. По учебнику Б.И. Скупского изучали старославянский язык много поколений студентов филологического факультета ДГУ. Им пользуются студенты и аспиранты других вузов, в том числе и МГУ, как свидетельствует профессор Д.С. Самедов, обучавшийся в свое время в этом университете.

Итогом многолетних исследований в области языка старославянских памятников стала защита докторской диссертации «Дательный самостоятельный и вопросы истории славянского перевода Евангелия» (1975г.). С ноября 1976г. Б.И. Скупский – профессор кафедры русского языка. Расширяется круг читаемых им общих курсов. Теперь это «Введение в славянскую филологию» и «Современный славянский язык (польский)». Кроме того, Борис Иванович разрабатывает спецкурсы «Сравнительная грамматика славянских языков», «Сравнительная фонетика русского и польского языков», «Основы славянской филологии». Издаются программы и учебные пособия по этим курсам. Самое значительное из них – учебник «Введение в славянскую филологию». В соавторстве с профессором МГУ Г.А. Хабургаевым была разработана программа по исторической грамматике для национальных педвузов. О высоком авторитете Бориса Ивановича в научных

кругах свидетельствуют его рецензии на учебники и учебные пособия, составленные такими известными лингвистами, как Г.А. Хабургаев, Н.Г. Самсонов, Т.А. Иванова, О.В. Горшкова и Т.А. Хмелевская. Рецензии Б.И. Скупского, по мнению проф. Г.А. Хабургаева, наряду с глубоким анализом материала содержат ряд интересных теоретических положений.

Обширна география публикаций проф. Б.И. Скупского. Многие его труды опубликованы не только в региональных, но и в центральных и зарубежных изданиях. Борис Иванович поддерживал связи с Югославской Академией наук и искусств, Болгарской Академией наук, Кирилло-Мефодиевским научным центром. Благодаря Борису Ивановичу Старославянский институт в Загребе долгие годы сотрудничал с Дагестанским университетом. В 1973 году Борис Иванович был командирован в Польскую Народную Республику на VII Международный съезд славистов, в 1986г. получил приглашение на второй Международный конгресс по болгаристике, в 1988г. участвовал в работе научного конгресса «700-летие Винодольского закона».

Борис Иванович пользовался непререкаемым авторитетом ученого, педагога, старшего коллеги и просто интеллигентного человека. С момента его появления в Дагестанском пединституте он всегда был окружен студентами, общался с ними не только в стенах учебного корпуса. Достаточно вспомнить, что Новый 1955 год первокурсники встречали в квартире Бориса Ивановича на улице Буйнакского, 30. Борис Иванович привлекал студентов своей демократичностью, доступностью, доброжелательностью, глубоким уважением к личности студента, стремлением заинтересовать своим предметом. Его лекции отличались живостью, своеобразной, нестандартной, образной манерой изложения. Он всячески поддерживал студентов, которые проявляли способности к научной работе, а когда они становились коллегами, оказывал помощь, способствовал их росту. Многие нынешние преподаватели факультета – его ученики.

Борис Иванович был неординарной личностью, человеком остроумным и неизменно корректным в отношении с коллегами. К его мнению, как человека опытного, мудрого, прислушивались члены Совета ФФ. Он умел найти верное решение непростых

проблем, выход из трудных ситуаций. Приехав в Дагестан молодым специалистом, Борис Иванович остался здесь навсегда. До последнего дня он напряженно работал, его кончина была для всех неожиданной. Таким живым, энергичным, всегда подтянутым, сосредоточенным на деле, которому он служил, Борис Иванович запомнился многим поколениям благодарных учеников.

**Ахмедов Г.И., профессор КТУ.
Магомедова Т.И., профессор ДГУ.**

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А.-Г. ГЮЛЬМАГОМЕДОВА

24 сентября – годовщина ухода из жизни преподавателя филологического факультета ДГУ, профессора Ахмедуллаха Гюльмагомедова. Ахмедуллах Гюльмагомедович Гюльмагомедов – филолог-кавказовед, профессор, доктор филологических наук, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ и РД, основатель дагестанского направления сопоставительных исследований в области кавказского языкознания, посвятивший всю свою творческую судьбу развитию образования и науки в Республике Дагестан и за ее пределами.

При его участии и помощи выросло огромное количество специалистов-филологов, ученых, продолжающих сегодня его научное дело.

Творческая биография профессора Гюльмагомедова – это большая, многогранная жизнь, полная ярких научных побед и достижений. Его имя навсегда вошло в летопись Дагестанского

государственного университета, с которым его связала личная и творческая судьба.

В 1959 г. он окончил русско-дагестанское отделение историко-филологического факультета ДГПИ (ДГУ). С 1959 по 1962 год служил в рядах Советской армии. В 1962-1965 гг. учился в аспирантуре Института литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР. С 1966 по 2009 г. работал лаборантом, преподавателем, старшим преподавателем, доцентом, профессором ДГУ. В 1967 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Куткашенские говоры лезгинского языка», в 1978 году – докторскую диссертацию на тему «Основы фразеологии лезгинского языка».

В течение многих лет профессор Гюльмагомедов заведовал сначала кафедрой русского языка для иностранных студентов, затем кафедрой общего языкознания и методики русского языка. В 1988 году по его инициативе и на основе подготовленной им научно-методической базы была создана кафедра общего языкознания ДГУ, которую он возглавил, а в 2003 году переименовал в кафедру общего и сравнительного языкознания. При его непосредственном руководстве и участии осуществлялись подготовка и издание рабочих программ дисциплин, лекционных курсов, учебно-методических пособий по профилю кафедры.

В 1997 г. профессор инициировал ежегодное издание лингвистического журнала «Языкознание в Дагестане», в котором поднимались и решались актуальные проблемы общего и дагестанского языкознания. А.Г. Гюльмагомедов как главный редактор журнала актуализировал вопросы истории лингвистики в Дагестане, призывал к обсуждению важных проблем современного положения дагестанских языков в республике, а также их изучения представителями дагестанской диаспоры в странах Востока и Азии.

Его волновали проблемы функционирования русского языка и развития русистики в Дагестане. «Крайне безответственное отношение к русскому языку на страницах периодической печати ведет к расшатыванию языковых норм в регионе, снижает уровень языковой культуры не только билингвов, но и русского населения», – отмечал профессор. Он критически подходил и к

проблематике компаративного изучения языков в полилингвальном пространстве всего Северного Кавказа, подчеркивая исключительную значимость сопоставления для общей теории языка и его очевидного практического значения в условиях дагестанского образовательного пространства.

Читая предисловие профессора к первому выпуску журнала в далеком для нас 1997 году, понимаешь, что именно им заложены основы тогда новых, а сегодня самых продуктивных направлений в языкознании Дагестана. Языковая картина народов Дагестана, социологические портреты дагестанских языков, контактология, ареальное, коррелятивное языкознание, гендерная лингвистика – таковы были новые научные интересы Ахмедуллаха Гюльмагомедовича, которые он развивал в своих многочисленных исследованиях и подтверждал в работах аспирантов и докторантов.

Профессор А.Г. Гюльмагомедов многие годы осуществлял руководство научно-исследовательскими проектами в рамках научных грантов, руководил диссертационным советом при ДГУ, являлся заместителем председателя диссертационного совета при ИЯЛИ ДНЦ РАН. Под руководством профессора защитили диссертации десятки филологов, многие из которых теперь уже сами стали профессорами и докторами наук. Он был участником всех научных симпозиумов, международных конференций и круглых столов по вопросам общего и дагестанского языкознания. Организовал множество научных конференций в ДГУ, участниками которых были также ученые из Белоруссии, Грузии, Азербайджана и т.д. Он продолжал лучшие традиции отечественной лингвистики по исследованию языков зарубежья и поддерживал тесные связи с лезгинской диаспорой в Турции, с центрами культуры лезгин в Баку, Москве.

Монографии и фразеологические словари профессора Гюльмагомедова сформировали фразеологию в Дагестане как самостоятельное направление в языкознании. Его научная школа по фразеологии была отмечена Министерством образования и науки РФ.

Труды профессора по лезгинской лексикографии легли в основу создания различных русско-национальных словарей. Книга «Лезгины в Турции: язык, быт, история» служит образцом

для описания других дагестанских языков, развивающихся в условиях стран ближнего и дальнего зарубежья. Он составлял и учебники по лезгинскому языку для общеобразовательных школ, разработал и издал первый русско-лезгинский разговорник. А.Г. Гюльмагомедов является одним из создателей «Красной книги языков народов России», где собраны воедино все дагестанские языки.

Научные интересы А.Г. Гюльмагомедова были широки. Им опубликовано огромное количество научных работ. Один из последних его поистине титанических научных трудов – современный трехтомный «Толковый словарь лезгинского языка». Это фундаментальное исследование профессора является первым толковым словарем в Дагестане, одним из первых опытов создания активного типа интегрального словаря в практике мировой лексикографии.

Вспоминая профессора А.Г. Гюльмагомедова, мы, его ученики и коллеги, с благодарностью чтим все доброе, светлое и мудрое, что он оставил нам. Разносторонний человек, выдающийся ученый, много сделавший для российской науки и образования. Ахмедуллах Гюльмагомедович обладал исключительным филологическим талантом, был подлинным интеллигентом и просветителем. Искренний интерес к знаниям, большую любовь к родному языку и к языкам вообще, страсть к исследовательскому поиску он передал своим ученикам, которые успешно продолжают его дело.

**Султанмуратов А.М., зав. кафедрой
литератур народов
Дагестана**

**ЛИНГВИСТ ВЫСОКОГО КЛАССА
(Д.М. Хангишиев)**

Доктор филологических наук, профессор Хангишиев Д.М. родился в семье известного кумыкского писателя, просветителя М.Г. Хангишиева. В 1954-ом году поступил на историко-филологический факультет Даггосуниверситета. Еще в студенческие годы под влиянием своего преподавателя А.Н. Батырмурзаева вовлекается в научную деятельность. Так, при составлении «Русско-кумыкского словаря» А.Н. Батырмурзаев привлекает будущего ученого в качестве своего помощника. По окончании учебы в университета Д.М. Хангишиева оставляют преподавателем кумыкского языка. В 1962-ом году был направлен на учебу в аспирантуре при Бакинском государственном университете, где в срок успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Причастия в кумыкском языке». По возвращении на родину он продолжил преподавательскую работу в университете.

Преподавательскую деятельность Хангишиев Д.М. успешно сочетал с научно-методической деятельностью. Он разработал и издал пособия по кумыкской морфологии, тюркологии, сравнительной грамматике тюркских языков, диалектологии, спецкурсам. Является составителем школьного букваря, сборника изложений, учебника по кумыкскому языку для 6 – 7 классов, а также педколледжей (в соавторстве с проф. Керимовым И.К.). В 1998-ом году Д.М. Хангишиев успешно защитил докторскую

диссертацию. Д.М. Хангишиев – автор более 100 научных трудов (статей, тезисов научных докладов, монографий) по различным проблемам кумыкского и тюркского языкознания, участник многочисленных республиканских, региональных, всероссийских и Международных научных конференций.

Высокую оценку научно-педагогической деятельности проф. Д.М. Хангишиева дал известный лингвист проф. Гюльмагомедов А.Г.: «Джангиши (Хангишиев Д.М.) был и остается специалистом-лингвистом высокого класса. Об этом свидетельствуют его труды по морфологии кумыкского языка. Об этом говорят те, которые ссылаются на его труды, скажут и те, которые будут читать его школьные и вузовские учебные пособия, научные исследования. Пожалуй, он один из наших лингвистов, который остро, до боли в костях ощутил тупиковое положение с лингвистической терминологией в школьных учебниках по родным языкам. Ему чужда была внешняя, фальшивая, псевдоэффектная поза, в которую становятся некоторые сегодняшние околonaучные «младограмматики», которые на всех перекрестках твердят о важности, всемирной ценности их трудов».

Гелегаева А.Р.
доцент кафедры русского языка

ПАМЯТИ Г.А. ДОМАШЕНКО

Вся жизнь Галины Алексеевны Домашенко, доцента кафедры русского языка, была связана с Дагестанским государственным университетом, с родным филологическим факультетом.

Окончив в 1954 году школу с медалью, Галина Каковкина (девичья фамилия Г.А.Домашенко) могла поступить в любой вуз страны, однако девушка выбрала филологию и подала документы на историко-филологический факультет Дагестанского государственного педагогического института, ставшего впоследствии Дагестанским государственным университетом.

Еще во время учебы в вузе у девушки обнаружился интерес к русскому языку, к его истории. В студенческом научном кружке, которым руководил профессор Борис Иванович Скупский, пробудивший в Галине Алексеевне этот интерес, она выступала не раз с серьезными докладами, в которых уже тогда проявлялись такие качества исследователя, как пристальное внимание к языковым фактам и умение делать серьезные обобщения.

Увлекалась Галя Каковкина не только историей языка, она получила глубокие знания по всем дисциплинам, которые преподавались на факультете. Ответственность, серьезность, самодисциплина – именно эти черты отличали Галину Алексеевну в период учебы в вузе.

Учеба в университете и работа над самообразованием способствовали расширению кругозора, воспитанию художественного вкуса. Она любила и знала литературу, могла многое рассказать о жизни писателей и поэтов, любила музыку, разбиралась в классической музыке. Студенты многих поколений помнят вечера, которые Галина Алексеевна не раз устраивала на факультете и в общежитии университета. В ее фонотеке были и записи сказок, стихов в исполнении лучших чтецов. Записи отрывков с диалектной речью Галина Алексеевна использовала во время прохождения студентами диалектологической практики.

Выполняя достаточно серьезную и разнообразную учебную нагрузку, Галина Алексеевна заочно училась в аспирантуре под руководством профессора В.А.Ицковича в Институте русского языка АН СССР и успешно защитила в 1978 году диссертацию кандидата филологических наук, чем внесла определенный вклад в разработку проблемы предикативов в русском языке.

Занятия Галины Алексеевны отличались глубиной научного анализа, они были методически стройными и содержательными, она умела о сложном говорить просто,

доступно, о чем свидетельствуют и ее учебные пособия по русской диалектологии, которыми студенты пользуются и по сей день.

Руководя курсовыми и дипломными работами, Галина Алексеевна учила студентов вниманию к языковым фактам, учила их лингвистически корректно формулировать теоретические положения.

Неколебимая принципиальность, порядочность, требовательность, но вместе с тем и внимание к личности студента характеризовали Галину Алексеевну как преподавателя. Бессменный куратор, Галина Алексеевна знала все о своих студентах, и ни одна студенческая свадьба или их вечер не обходились без ее участия.

Галина Алексеевна была добрым, заботливым человеком, она считалась женской душой кафедры русского языка. Заботливая дочь, любящая мать, верная подруга, надежный товарищ, строгий, принципиальный педагог, высококвалифицированный специалист – такой останется Галина Алексеевна Домашенко в памяти тех, кто знал ее.

III.

*Ш.А. Мазанаев, декан филологического факультета,
профессор кафедры русской литературы*

ЛИТЕРАТУРОВЕД ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО МАСШТАБА (Н.А. Горбанев)

В ряду ученых-литературоведов республики профессору Горбаневу Николаю Алексеевичу принадлежит особое место. Он самый признанный специалист по истории русской литературы в Дагестане на протяжении вот уже 40 лет. Он не просто возглавлял кафедру русской литературы Дагестанского государственного университета, а был руководителем научной школы

профессиональных литературоведов, занимающихся теорией и историей русской литературы в республике. Он первый наш ученый, который защитил докторскую диссертацию по русской литературе в Московском государственном университете. За ним последовали десятки его коллег и учеников

- докторов и кандидатов наук, получивших признание в главном вузе страны. Примечательно и то, что он был первым доктором наук по истории русской литературы XX века, защитившим диссертацию на совете по только что отрывшейся новой специальности МГУ.

Работа Н.А. Горбанева, посвященная литературно-критической деятельности и эстетическим взглядам Г.В. Плеханова, была новаторской для того времени. Профессор Н.А. Горбанев считается одним из лучших специалистов страны по творчеству русских демократов конца XIX века. Позже им были созданы самобытные и интересные работы о творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и других классиков русской литературы XIX и XX веков. В облике самого Николая Алексеевича есть что-то от Белинского, Добролюбова, Писарева...

Ряд исследований Н.А. Горбанев посвятил вершинным явлениям русской литературы XX века. Например, популярностью среди специалистов пользуется его пособие, посвященное жанровой специфике, особенностям проблематики и поэтики романов Е.И. Замятина «Мы», И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева», Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Глубиной и своеобразием отличаются его работы по истории критики и литературоведению.

Н.А. Горбанев родился 23 февраля 1931 г. в настоящей русской глубинке - на хуторе Андриянов, Зимовнического района Ростовской области. Потом была учеба в РГУ, аспирантура в Москве, работа по направлению в Дагестане. В 50-60-х годах в нашу республику приехало большое количество учителей, врачей, ученых. Благодаря им сегодня мы имеем целую плеяду прекрасных специалистов во всех сферах науки, культуры и производства. У истоков филологической науки в университете стояли А.Ф. Назаревич, В.М. Криштопа, М.С. Шершнева, Б.И. Скупский, Б.С. Фарбер, А.И. Агеева, В.А. Стрижко, Н.Я. Судакова, Р.И. Лихтман, Л.Р. Евсеева, Н.В. Мелик-Саркисова, О.Я. Прик, С.Ф. Архипова. Продолжают работать, передавая свой богатый опыт молодым, Л.И. Мегаева, Г.Н. Сивриди, Г.А. Домашенко... Мы очень ценим их и гордимся, что они среди нас, вместе с нами. Наверное, не всегда им было легко и просто жить

и работать. Но уроки Николая Алексеевича Горбанева, Лиры Ивановны Мегаевой, Александра Федоровича Назаревича, Нины Викторовны Мелик-Саркисовой... и сотни наших учителей - представителей русской интеллигенции и их учеников в Дагестане - прошли не даром. Выросли целые поколения специалистов во всех сферах науки, культуры, техники.

У Николая Алексеевича была возможность уехать в центральные города и вузы, ему делали предложения повыситься в должности и в самом университете. Но Н.А. Горбанев оставался верным избранному пути - он посвятил всю свою жизнь науке о литературе, обучению и воспитанию студентов. И у него - сотни, тысячи благодарных учеников. Наверное, нет уголка Дагестана, где бы ни работал учитель русского языка и литературы, которому преподавал Николай Алексеевич. Многие его ученики ныне работают в ведущих научных и учебных центрах страны - Институте мировой литературы, МГУ, РГГУ...

Н.А. Горбанев возглавляет кафедру русской литературы Дагестанского государственного университета с сентября 1969 года. За это время руководимый Николаем Алексеевичем научно-педагогический коллектив стал центром изучения русской литературы в Дагестане. Подготовленные самим Н.А. Горбаневым и сотрудниками кафедры монографии, учебные пособия включены в университетские программы Минобразования РФ по дисциплинам «История русской критики», «История русской литературы XIX - начала XX веков», «Литература народов РФ», в списки рекомендуемой литературы. В течение ряда лет Горбанев Н.А. принимал активное участие в работе Редакционно-издательского совета при Минвузе РФ, Головного совета по филологии и Учебно-методического объединения. Он является редактором серии гуманитарных наук «Вестника Дагестанского государственного университета»

Николай Алексеевич создал на кафедре идеальные условия для реализации научного и творческого потенциала коллег. Здесь подготовлено 5 докторов наук, десятки кандидатов наук. На кафедре русской литературы выполняли свои докторские диссертации С.Н. Бройтман, Г.Г. Ханмурзаев, Ш.А. Мазанаев... В настоящее время плодотворно работают над докторскими

диссертациями Ф.Х. Исрапова, Т.Н. Пашаева, Н.М. Керимова, Э.Н.

Ширванова, К.А. Кадырова, Э.С. Хидирова и другие сотрудники. У каждого из них - своя область научных интересов, далекая от поисков Н.А. Горбанева. Но каждому из них Николай Алексеевич как руководитель кафедры создал прекрасные условия для написания и защиты диссертации. О бескорыстности и благородстве Н.А. Горбанева знает каждый, кто работает с ним рядом. Ему абсолютно чужды зависть, корысть. Он искренне радуется росту своих коллег и учеников.

Нельзя сказать, что Николай Алексеевич человек публичный, общественный. Он предпочитает студенческую аудиторию, а для науки - тишину кабинета. Книги - самое большое увлечение Н.А. Горбанева, среди них он чувствует себя очень комфортно. Но не чурался он и общественной работы. Николай Алексеевич Горбанев дважды (в 1983 и 1985 г.г.) избирался депутатом Махачкалинского городского Совета народных депутатов. Обязанности народного избранника он выполнял добросовестно и ответственно.

Н.А. Горбанев - приверженец классической литературы. Основной предмет его увлечения - русская реалистическая проза конца XIX- начала XX веков. Исследуя творчество классиков русской литературы, Николай Алексеевич обращается к опыту западно-европейской и восточной литератур. Он живо интересуется текущим литературным процессом, немало рецензий и отзывов он посвятил современной дагестанской литературе. Интересы профессора Н.А. Горбанева в области литературоведения действительно имеют энциклопедический характер. Он одинаково хорошо владеет как теорией, так и историей литературы. Компетентность и профессионализм Николая Алексеевича признаются всеми. Эти свойства в сочетании с высокими человеческими качествами делают личность ученого и педагога масштабной и уникальной.

КАМИЛЬ ГАМИДОВИЧ ХАНМУРЗАЕВ

Камиль Гамидович Ханмурзаев из тех людей, о которых неудобно говорить громко, шумно, вычурно. Этот человек избегает суеты, парадных мероприятий, но при этом не отдален от жизни, людей. Понимающий и прощающий. Тонкий и наблюдательный. Ироничный и великодушный. Знающие Камиля Гамидовича отмечают его эрудицию, творческие способности и глубину. Всю жизнь занимаясь зарубежной литературой, он проявляет удивительное понимание русской и дагестанской литературы. Он прекрасный переводчик и знаток дагестанской поэзии. Люди, которых Камиль Гамидович подпустил к своему духовному миру, знают, что он сам прекрасный поэт, тонкий лирик. Он всю жизнь дружил с людьми, которые ценили и знали литературу – Самсоном Наумовичем Бройтманом, Николаем Алексеевичем Горбаневым, Ниной Викторовной Мелик-Саркисовой, Лирой Ивановной Мегаевой, Гереем Гамидовичем Ханмурзаевым, который был для него не только братом, но и другом, соратником. Помню, с каким пиететом относился к своему младшему брату Камиллю Герей Гамидович. Будучи благородным и очень искренним, он говорил, что Камиль Гамидович лучше и умнее его – какое щедрое бескорыстие! К сожалению, Г.Г. Ханмурзаев рано ушел из жизни, но оставил после себя заметный след в русском и дагестанском литературоведении – работы о дагестанской теме в русской литературе XIX века. Область научных интересов Камиля Гамидовича Ханмурзаева несколько иная – немецкая литература. Если говорить точнее, немецкий романтический роман. Он

блестяще учился на немецком отделении Дагестанского государственного университета. Позже закончил аспирантуру МГУ. Хорошо владея языком, написал ряд известных работ по немецкой литературе, сотрудничал с солидными литературоведческими изданиями – «Вопросы литературы», «Филологические науки», «Вестник МГУ», «Гетевские чтения» «Известия АН СССР». Он тесно связан с кафедрой истории зарубежной литературы МГУ, на которой защищал свою докторскую диссертацию. К.Г. Ханмурзаев – член Международного Гетевского общества в Веймаре (Германия), член Российского союза германистов. В стране его знают как крупного специалиста-германиста: он неоднократно получал приглашения на международные конференции по проблемам немецкой литературы, проходил стажировку в Веймаре и других центрах изучения немецкой литературы. Научная общественность хорошо знает работы К.Г. Ханмурзаева о творчестве Новалиса, Гельдерлина, Ф. Шлегеля, Гёте, Гофмана, П.Флеминга, Л. Тика, Р.М. Рильке. Его монография «Немецкий романтический роман. Генезис. Поэтика. Эволюция жанра» (1998) представляет собой историко-литературное исследование немецкого романа на большом фактическом материале малоизученных произведений немецкой классической литературы. Камиль Гамидович имеет широкие познания в области мировой литературы. Его лекции по истории зарубежной литературы отличаются глубиной, содержательностью и острой наблюдательностью. Он всегда хорошо чувствует настрой аудитории. Его взаимоотношения со студентами строятся на уважении и тактичности. К недостаткам и слабостям студентов он относится философично, с легким юмором, никогда не обидит беспомощного и растерянного студента. И на занятиях, и на экзаменах Камиль Гамидович преподает уроки жизни. Он может слегка пристыдить неуча, но не оскорбит, не заденет его личность. За это студенты любят и уважают профессора Ханмурзаева. И конечно, за те глубокие знания, которые он даёт. К.Г. Ханмурзаев много лет руководит кафедрой зарубежной литературы. Среди филологов эта кафедра имеет репутацию элитарной: не только по кругу преподаваемых предметов, но и по статусу тех преподавателей, которые работают там. Однако все

знают также, что это не простой коллектив, и, чтобы им руководить, требуются и широкая эрудиция, и организаторский талант, и высокие человеческие качества, и даже тонкая дипломатия. Хочется надеяться, что кафедра продолжит свое развитие и в условиях нововведений, которые грядут. Уверен, что личность Камиля Гамидовича Ханмурзаева будет одним из главных факторов стабильности и развития кафедры - юбиляра не только хорошо знают, но и ценят в руководстве факультета и университета. Глубокие профессиональные знания, научная эрудиция, добросовестное отношение к педагогической, научной и воспитательной работе снискали ему заслуженное уважение коллег и учеников. Общаясь с К.Г. Ханмурзаевым, невольно подтягиваешься. Он умеет шутить, веселиться, он прост и доступен – как и должно интеллигентному человеку, но когда речь идет о литературе, культуре, он глубок и сложен, проницателен и тонок. Духовная планка Камиля Гамидовича, устанавливаемая им и для себя, и для окружающих, очень высока.

«В Греции победил Аполлон. А что ждет нас?»

Интервью *Г. Гаджибалаева* с Ахмедовой Умой
Садыковной

(газета «Молодежь Дагестана» от 13 марта 2015)

В жизни каждого студента встречается преподаватель, который производит на него особое

впечатление. В одних случаях студент с благодарностью вспоминает педагога, в других - недовольно сжимает кулаки.

Через Уму Садыковну Ахмедову, доцента кафедры зарубежной литературы Дагестанского государственного университета, «проходят» практически все студенты филфака ДГУ. Не стану утверждать, что абсолютно каждый из них влюблен в нее, но, как правило, запоминают все.

- Ума Садыковна, многих сотрудников нашей редакции интересует: коллоквиумы по текстам Гомера проводятся так же строго? И что дает их знание современному человеку?

- Если подходить ко всему утилитарно и прагматично, то, наверное, знание Гомера не поможет вам в вашей банковской деятельности, в работе строителем или в занятиях рэкетом. Но когда речь идет о человеке как личности, тем более, творческой, – а это очень широкое понятие, составляющими которого являются интеллектуальный уровень, духовные потребности, нравственные императивы, – то это важно. Знание Гомера, Шекспира, Стендаля, Достоевского, Толстого и т. д. рождает широкий спектр ассоциаций и аллюзий, дарит чувство уверенности, развивает эстетически и этически, даря редкое счастье осознания своей приобщенности к чему-то очень значительному.

А Гомер? Как можно забыть того, с чьего имени начинается европейская литература, кто первым рассказал о войне и мире и создал образы, ставшие архетипами странничества (Одиссей), супружеской верности (Пенелопа), патриотизма (Гектор), неистовой страстности (Ахилл)?

Как можно забыть Гомера, который первым произнес сакральную фразу: «Дым Отечества сладок»?

Но Гомер сказал и то, что «Женщину украшает молчание», поэтому я умолкаю.

- Существуют параллели между миром античным и современным?

- Европейская цивилизация развивалась на основе античности. Нельзя, как сказал замечательный эллинист М. Л. Гаспаров, ответить на вопрос «Кто мы такие?», не ответив на вопрос «Откуда мы такие взяли?».

Греки оставили нам первое описание войны между народами. Первыми сформулировали концепцию человека: «Много есть чудес на свете, человек их всех чудесней». Первыми рассказали о чувстве родины, о самопожертвовании, о героизме, чести и верности. Это сакральные понятия, поэтому меняются эпохи, оружие, одежда, расширяются знания о мире и возможностях человека, но остается то, что делает греков «возницами нашей культуры» (Ницше), творцами нашего духа.

Человек – политическое животное, для которого участие в мире, присутствие в мире необходимо, так как только в сильном состоянии, когда человек не боится смерти и для него не существует насилия, которое могло бы лишить его свободы выбора, - создается, по мнению греков, прекрасное. А раб – это человек, который не решился умереть и проиграл войну. Но античность - синтез аполлонического и дионистского начал. Синтез ясности, разума, гармонии и темных оргиастических страстей, животных инстинктов.

В 21 веке это противостояние сохраняется. Златокудрый красавец Аполлон - бог света, вождь муз - по-прежнему противостоит козлоному косматому сатиру Марсию - олицетворению темного хаоса стихийных сил. События на Украине вызывают у нормальных людей чувство ужаса. Фашизм – это состояние души, готовой принять страх, ложь, демагогию, когда трусость и животный страх сублимируются в агрессию.

Кто победит? В Греции победил Аполлон. А что ждет нас?

- Изменился ли ваш взгляд на молодежь? Чем отличались студенты 80-х от нынешних?

- Студентов 80 - 90-х годов я знала лучше, потому что не только преподавала им, но и руководила художественной самодеятельностью факультета. И это была прекрасная жизнь, полная напряжения, кипения страстей, перехлеста эмоций. Мы были единомышленниками. Обожали искусство. Разговоры о Н. Эрдмане, И. Бабеле, М. Зощенко, В. Маяковском, Г. Лорке, Экзюпери; постановки пьес и композиций («Кровавая свадьба» Г. Лорки, «Клоп» Маяковского, «Гудбай, Америка» на материале произведений С. Маршака, «А зори здесь тихие» Васильева, «Мой бедный Марат» Арбузова, «Божественная комедия» и т. д.); участие в КВН и «Студенческой весне» с их борьбой,

соперничеством, радостью побед и горечью поражений; поездки во Владикавказ, Грозный, на Домбай и т. д. - это было огромное художественное пространство, объединявшее счастливых людей. Рядом - открывшиеся неожиданно, по-новому, и этим особенно дорогие и интересные, А. Еремин, М. Хавчаев, Д. Никифоров, М. Омаров, М. Гаджиев, Т. Гамалей, Н. Булейко, П. Лекова и другие. Их было много, и я их обожала!

Благодаря им и другие студенты становились мне понятнее и ближе.

Нынешним студентам я только преподаю и знаю их меньше. Им доступна любая информация, они продвинуты в области новых технологий, но они мало читают, и, как бы парадоксально это ни звучало, пространство их мира сужается. Краски, воздух, дух, который выстраивался тысячелетиями и запечатлевался не только в научных свершениях, но и в искусстве, в художественном творчестве, как мне кажется, не всех волнует. Но всё равно я люблю их, жалею, и мне грустно.

- Возможно ли нам, живущим стремительно, испытать катарсис?

- Трудный вопрос. Что значит... живущим стремительно? Катарсис может возникнуть только при условии, если деструктивные «страх» и «ужас» сопровождаются конструктивным состраданием, в основе которого любовь к человеку. Именно в этом случае происходит вытеснение негативных аффектов и наступает очищение. Человек – мыслящий тростник. Рефлексия – это естественное состояние человека. Если жизнь обужена и человек не способен размышлять, смотреть на себя со стороны; если он живет по законам стаи, когда экстаз коллективного безумия и принцип «всё дозволено» дарит ему опасное ощущение своей силы и значимости, - ему не дано испытать чувство катарсиса. И можно ли называть человеком подобное существо с деформированным сознанием?

Когда в мусорные баки на Украине затапливают тех, кто не хочет жить по законам стаи; когда добивают людей, выпрыгивающих из горящего дома в Одессе, - имеет ли значение, насколько стремительно развивались события? Человек, если он человек, остается им в любой ситуации. В 1999 году 19-летний

юноша Хаджимурад Нурахмаев из селения Ансалта один встал на защиту родной земли от банды Басаева. Он убил 7 бандитов и был расстрелян. Проживший так «стремительно» свою жизнь, юноша совершил подвиг, и это яркий пример духовной высоты, духовного совершенства, духовного очищения.

- Еще с первого курса помню, как вы увлеченно рассказывали о древнегреческих богинях. А с какой из них вы себя ассоциируете?

- Вы хотите, чтобы я, отвечая на этот вопрос, выступила в роли комической старухи, не видящей себя со стороны и примеривающей на себя одежды богини? Если вы хотите придать пикантность интервью и рукой демиурга, дергающего за веревочки, смоделировать гротескную ситуацию, то извольте... Я хочу сравнить себя с Медузой Горгоной, взгляд которой превращал всех в камень. Меня примиряет с ней то, что она смертна и, самое главное, из ее крови родился Пегас – крылатый конь поэтов, символ поэтического вдохновения. Меня это тоже вдохновляет, и, когда «убиваю» взглядом нерадивого студента, мысль о том, что я способствую этим рождению Филолога (!), - согревает меня.

- У вас большой опыт преподавания. Не могли бы вы отметить характерные черты дагестанских студентов?

- Мераб Мамардашвили писал, что кавказцам характерна трагическая легкость или веселый трагизм. Перед другими ты должен предстать веселым, легким и осененным «незаконной радостью». Откуда радость, если тяжело и трудно живется? В этом тайна кавказской души, в этом ее метафизика. В студентах, таких разных – умных и не очень, скромных и амбициозных, веселых и грустных, чувствительных и равнодушных – я вижу черты, о которых написал грузинский философ. Многим живется трудно, но горская этика не позволяет жаловаться и падать духом. Может, эта «незаконная радость» и раздражает многих людей. Но это уже другая тема...

- Ума Садыковна, а с какими трудностями вы сталкиваетесь в работе со студентами? И как с ними справляетесь?

- Удручает равнодушие и незаинтересованность в изучении предмета. А люди, искалеченные плохим образованием, могут

стать опасными для общества. У них нет интеллектуального багажа, поэтому ими легко манипулировать. Преподаватель должен чувствовать свою ответственность за ученика и этой ответственности научить студента, который будет работать в школе и будет тоже ответственен за своих учеников.

Марк Твен говорил, что «персик был когда-то горьким миндалем, а цветная капуста – это обычная капуста, получившая высшее образование». Заинтересовать студента рассказом, развеселить, прибегнуть к иронии, которая, как известно, восстанавливает то, что разрушает пафос, поддержать старательного, разбудить спящего.

Но начинать следует с себя. Не быть скучной занудой, не быть самодовольной механической куклой. Быть живой и интересной, хотя на душе, может, и не всё так хорошо, как хотелось бы.

- Среди преподавателей бытует мнение, что Болонская система образования не очень удачная. Согласны с этим?

- Я вообще считаю систему образования, реформу которой начал Фурсенко, а продолжил Ливанов, ошибочной. Наше образование было одним из лучших в мире. Но, поддавшись моде и критикуя всё советское, вместе с водой выплеснули и ребенка. Болонская система образования привела нас к тому, что мы сейчас имеем, занимая в мировом рейтинге место в середине второй сотни. А Финляндия, которая продолжает обучение, опираясь на традиции советской школы, занимает в рейтинге ведущее место.

Если конкретно говорить о таком предмете, как литература, то ответы по тестам (тестирование) здесь, на мой взгляд, недопустимы. Литература – это речь, это развитие мысли, это логика, это аргументация, это живое общение с преподавателем. Методом «тыка» отвечать, подо что бросилась Анна Каренина – под поезд, «джип» или «мерседес» - и радоваться правильному «тыку» – это безумие...

**Абдуллатипов А.-К.Ю.,
профессор, заслуженный деятель
науки РД, РФ.**

СЛОВО О ДРУГЕ И КОЛЛЕГЕ (Г.Г. Гашаров)

Вот уже более 40 лет профессор кафедры литератур народов Дагестана и Востока Даггосуниверситета Г.Г. Гашаров неустанно ведет плодотворную научную и педагогическую работу.

В 1956 году после поступления на историко-филологический факультет тогда еще Дагестанского педагогического института им. С. Стальского (ныне Даггосуниверситет) я обратил внимание на опрятно одетого, с правильными чертами лица, приятной внешности моего сокурсника. Он всегда готовился к практическим занятиям, активно участвовал не только в учебном процессе, но и в общественной жизни курса, факультета, да и всего университета: во время летних каникул ездил на сельхозработы, участвовал в освоении целинных земель Казахстана. Тогда я и подружился с Гаджи Гусейновичем Гашаровым, и этой дружбе ныне пошел шестой десяток. На протяжении этих лет нас связала не только совместная учеба, но и совместная работа на одной кафедре – кафедре фольклора и литератур Дагестана (ныне кафедра литератур народов Дагестана и Востока) в Даггосуниверситете.

Родился мой друг и коллега в 1937 г. в древнем лезгинском селении Ахты, давшем Дагестану много героев, ученых, писателей и деятелей культуры. Видимо, еще в годы учёбы в Ахтынской средней школе № 1, которая была первой светской школой Дагестана (1861 г.), Гаджи Гусейнович впитал соки родной культуры, родного языка и пронес любовь ко всему родному через всю свою жизнь, умножая и развивая ее своим

самоотверженным трудом. Дело в том, что, несмотря на то, что мы окончили факультет русской филологии, нас с ним и нашим однокурсником Гасановым Маликом Магомедовичем, ныне покойным, постоянно тянуло к родной словесности. Мы связали свои жизни с нею, и я без ложной скромности скажу, что сделали немало для изучения родного фольклора и литературы, для их пропаганды путем создания научных исследований, учебников и учебных пособий для студентов университета, педагогических училищ и общеобразовательных школ.

Успешно завершив учебу в вузе, Г.Г. Гашаров поступил в аспирантуру МГУ, после окончания которой вернулся в родной университет. Он защитил кандидатскую диссертацию, впоследствии стал доцентом. Спустя много лет, благодаря самоотверженной литературно-критической деятельности он был принят в Союз писателей России. Позже за создание многочисленных научных, учебных и учебно-методических трудов был удостоен звания профессора. Гашаров Г.Г. удостоен также звания «Заслуженный работник культуры Дагестана».

В течение десятков лет Г.Г. Гашаров опубликовал более 200 статей, посвященных актуальным проблемам фольклора и литератур народов Дагестана и особенно лезгин, творчеству видных лезгинских писателей и поэтов. Труды эти были опубликованы на страницах газет: «Литературная газета», «Дагестанская правда», «Коммунист», «Лезги газет», а также журналов и сборников статей: «Вопросы литературы» (Москва), «Филологические этюды» (Ростов-на-Дону), «Советский Дагестан», «Литература и жизнь Дагестана», «Дружба» на лезгинском языке.

География публикаций Г.Г. Гашарова весьма обширна: Москва, София, Ростов, Нукус, Кусары, Махачкала и др.

Изданные Г.Г. Гашаровым многочисленные крупные труды можно классифицировать следующим образом: это сугубо-научные исследования, посвященные фольклору и литературе лезгин («Лезгинская ашугская поэзия и литература», «Лезгинская литература в школе», «Певцы обновленного края», «История лезгинской литературы. Краткий очерк», «Лезгинская литература История и современность», «Хаким Курбан: грани творчества», цикл статей о лезгинских писателях в сборнике статей

«Литература народов России. XX век», «История лезгинской литературы XX века» и другие); это антологии и сборники лезгинских поэтов – С. Стальского, изданные в Москве и Махачкале, Е. Эмина, А. Саидова, К. Меджидова, Саида из Кочхюра, Гаджи Ахтынского; сборники: «Эпические песни лезгин», «Дореволюционные поэты лезгин», «Лезгинский фольклор» и др.

Упомянутые выше антологии и сборники фольклора, поэтов и писателей показывают, как упорно трудился Г.Г. Гашаров. Кроме того, следует сказать, что благодаря его усилиям была изучена ашугская поэзия лезгин, открыты и стали популярными имена многих пользовавшихся в свое время известностью, а впоследствии забытых поэтов-ашугов, деятелей литературы: Эмина из Ялцуга, Лезги Ахмеда, Малла Нури, Ашуга Суйгюна, Гаджи Ахтынского, Ж. Эфендиева, Г. Гаджибекова, Р. Юсуфова и других. Гашаров издал не только первые поэтические сборники Саида из Кочхюра, Гаджи Ахтынского, он дал новую редакцию произведений С. Стальского, очистив его яркую и мудрую поэзию от всего наносного, приписываемого поэту. Каждый изданный сборник или антология снабжались содержательной статьей и комментариями.

Много труда вложил наш друг Гаджи Гашаров в разработку курсов лекций по фольклору, дореволюционной и советской литературе лезгин, а также по методике преподавания лезгинской литературы в школе и многочисленным спецкурсам. Разработка им курсов лекций сопровождалась созданием соответствующих учебных программ по всем упомянутым дисциплинам. Г.Г. Гашаровым были изданы учебные пособия по истории лезгинской литературы в 1979, 1981, 1983 гг. для студентов университета, а также учебник по дагестанской литературе для педучилищ. Этой своей многотрудной и подвижнической деятельностью Г.Г. Гашаров укрепил учебно-материальную базу родной кафедры, подобно другим своим коллегам, делавшим то же самое по фольклору и литературе других народов, Алибекову Б.О., Магомедову З.А., Гасанову М.М., Мухтарову С.М., автору этих строк и другим.

Творческий портрет нашего друга Гаджи Гусейновича был бы далеко не полным, если бы мы не осветили еще одну грань его

деятельности. Большую помощь он оказывает общеобразовательной школе, является членом УМСа при Министерстве народного образования, одним из руководителей авторского коллектива по созданию учебных комплексов для лезгинских школ и педколледжа. Он не только руководит, но и сам создает эти учебники и учебные пособия. Г.Г. Гашаровым созданы и изданы следующие учебники, учебные и учебно-методические пособия для школ и педучилища: Хрестоматия по дагестанской литературе для 5 кл. 1990 (на рус. яз.); Хрестоматия по дагестанской литературе для 11 кл. 1993 (на лезг. яз.); Дагестанская литература (учебник для педучилищ) 1994 (на лезг. яз.); Хрестоматия по дагестанской литературе для 9 кл. 1995 (на лезг. яз.); Хрестоматия по дагестанской литературе для педучилищ, 1994 (на лезг. яз.); Хрестоматия по дагестанской литературе для 8 кл. 1976 (на лезг. яз.); Дагестанская литература. Учебник-хрестоматия для 9 кл. 2006 (на лезг. яз.); Дагестанская литература. Учебник-хрестоматия для 11 кл. 2003 (на лезг. яз.) и др. Г.Г. Гашаров является так же одним из составителей программ для педучилищ по дагестанской литературе.

Таким образом, из-под пера Г.Г. Гашарова вышло более двух десятков различного характера книг, которые, несомненно, обогатили духовную жизнь и культуру лезгин и других народов Дагестана.

Следует сказать, что монографии Г.Г. Гашарова, большинство его сборников, антологий, учебников и учебных пособий получили положительную оценку на страницах журнала «Вопросы литературы», а также в местной республиканской печати.

Авторами этих откликов и отзывов были А.Г. Агаев, Ф.И. Вагабова, С.М. Ахмедов, Р.М. Кельбеханов, К.Х. Акимов, М. Джалилов, А.-К.Ю. Абдуллатипов и другие.

Наш коллега Г. Гашаров – член Союза писателей Российской Федерации. В СП Дагестана ряд лет он возглавлял секцию критики и литературоведения.

Будучи членом правления СП Дагестана и редколлегии журнала «Самур» Г.Г. Гашаров проводит большую плодотворную работу в составе лезгинской секции писателей, активно участвуя в литературном процессе наших дней.

Г.Г. Гашаров всегда активно участвовал и участвует в жизни родного факультета и университета: бывал куратором, руководит литературным кружком и выпуском стенгазеты на лезгинском языке, являлся членом профкома и головной группы народного контроля университета. И сейчас он активно участвует в общественной жизни и в воспитании молодежи, организовывая встречи студентов с писателями и ветеранами труда, часто выступает перед тружениками городов и сел, на страницах газет, на радио и телевидении с беседами о наших поэтах и писателях.

За заслуги в научно-педагогической и общественной деятельности Г.Г. Гашаров был награжден Почетной грамотой Верховного совета РД (1983) и ему было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Дагестана» (1987).

Г.Г. Гашарову присущи редкие человеческие качества: преданность национальной культуре, служение народу, верность в дружбе, уважительное отношение к культуре и представителям других народов, требовательность к себе и другим в работе, чуткость по отношению к студентам, преподавателям, членам семьи и к людям вообще.

Сейчас наш друг Г.Г. Гашаров в полном расцвете творческих сил. Так пожелаем же ему крепкого здоровья, успехов в труде, благополучия и счастья в личной жизни.

Алиева Н.Н.,
профессор, доктор педагогических наук
Сивриди Г.Н.,
доцент, кандидат педагогических наук

ЛИНГВИСТ И МЕТОДИСТ

Известно, что многих выдающихся русских лингвистов (Ф.И. Буслаев, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба и др.) волновали и вопросы обучения языку школьников. Видимо, не случайно после довольно длительного времени преподавания современного русского языка К.Э. Джамалов обратился к методике преподавания языка.

Нашему коллеге, заведующему кафедрой методики преподавания русского языка и литературы филологического факультета, профессору, доктору педагогических наук Камалу Эфендиевичу Джамалову исполнилось 70 лет. Родился он 20 ноября 1941 года в сел. Ихрек Рутульского района. Здесь же окончил среднюю школу и поступил в Дербентское педагогическое училище, которое окончил с отличием в 1961 году, после чего поступил учиться в ДГУ. После окончания филологического факультета с отличием, в 1967 году, вернулся в родное село.

Именно в школе проявился интерес к методике преподавания русского языка, и К.Э. Джамалов поступает в аспирантуру НИИ национальных школ в г.Москве. В 1975 году успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Особенности развития двуязычия носителей бесписьменных языков», а со следующего года начинает работать на кафедре русского языка ДГУ. На время о методике пришлось забыть: этот

курс читали опытные методисты, доценты О.Я. Прик, А.И. Музафарова. К тому же пришлось много лет заниматься административной работой, быть зам.декана по заочному отделению. Это уже через четыре года работы в Кабульском политехническом университете (Афганистан).

Несмотря на загруженность, Камал Эфендиевич находил время для работы над докторской диссертацией «Проблема преодоления интерференции в русской речи учащихся-рутульцев», которая была успешно защищена в 1999 году. В настоящее время он является зам.председателя совета по защите докторских диссертаций по специальности «Методика преподавания русского языка» 13.00.02.

За год до этого была опубликована монография «Грамматическая интерференция в русской речи учащихся-дагестанцев (рутульцев)». Всего же его перу принадлежит более 80 публикаций. Одной из наиболее значимых является «Рутульско-русский словарь», изданный в Москве.

С 2000 года К.Э. Джамалов заведует кафедрой методики преподавания русского языка и литературы, читает курс методики русского языка, ведет ряд спецкурсов. Под его руководством защищено немало дипломных работ, шесть кандидатских диссертаций. Сейчас возглавляемая им кафедра - одна из самых крупных на факультете и в университете. Заметно на ней активизировалась научно-исследовательская работа, ежегодно проводятся научно-практические конференции, выпускаются сборники статей, за последние годы защищены две докторские и одна кандидатская диссертации. Коллеги и студенты знают Камала Эфендиевича как доброго, чуткого, отзывчивого человека.

К.Э. Джамалова хорошо знают в школах республики. Он часто читает лекции для учителей-словесников в Институте повышения квалификации педагогических кадров, в районах, ведет большую профориентационную работу, особенно в родном Рутульском районе (достаточно сказать, что на филологическом факультете нет ни одного курса, где бы не учились несколько рутульцев). За многолетнюю работу по подготовке педагогических кадров он удостоен почетного звания «Заслуженный учитель Республики Дагестан».

На факультете еще его знают как хорошего семьянина, заботливого и любящего отца, дедушку. В семье Джамаловых четыре дочери, одна из которых пошла по стопам отца (Мадлен Камаловна - доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук). Много внимания он уделяет своим внукам и внучкам.

Коллектив кафедры сердечно поздравляет своего заведующего с юбилеем, желает ему долгих лет, новых творческих успехов, всего самого доброго.

**Гаджи Гашаров,
профессор ДГУ.**

ВОСЬМИДЕСЯТАЯ ВЕСНА

*(штрихи к творческому портрету профессора А.- Ю.
Абдуллатипова)*

Известный в Дагестане и за его пределами учёный-литературовед, писатель, критик, педагог, общественный деятель Абдуллатипов Абдул-Кадыр Юсупович родился в 1935 году в одном из древнейших населённых пунктов Дагестана – Тарках, который многие столетия был административным и культурным центром кумыкского народа. Рос, учился и трудился будущий учёный в Махачкале...

В эти дни Абдул-Кадыр, муаллим с новыми творческими планами встречает своё славное восьмидесятилетие. Более пятидесяти лет успешно трудясь в филологической науке Дагестана, учёный внёс весомый вклад в российское

литературоведение. Из-под его пера вышло более трёхсот работ (монографий, антологий, хрестоматий, статей, отзывов, рецензий и т.д.), посвящённых актуальным проблемам дагестанской художественной словесности, кумыкскому фольклору и литературе. Он является составителем десятков сборников художественных произведений кумыкских поэтов, писателей, драматургов, фольклорных текстов, программ и учебников-хрестоматий по дагестанской и кумыкской литературам для вузов, педколледжей и школ нашей республики...

Интерес к достойному слову, меткому выражению проявился у юбиляра ещё в школе. Пытливый юноша особенно любил уроки истории и литературы... А дома от отца – большого знатока народного творчества – он слышал немало уникальных исторических рассказов, преданий, легенд, сказок и йыров (песен). Любовь к фольклору, художественному слову и истории родного края привела его после окончания школы на историко-филологический факультет Даггосуниверситета.

В студенческие годы проявились исследовательские способности Абдул-Кадыра. Он активно сотрудничал с известным дагестанским фольклористом и замечательным педагогом ДГУ, доцентом А.Ф.Назаревичем, создавшим студенческий научно-исследовательский институт фольклора и литературы Дагестана (НИИФЛИ), который функционирует и в настоящее время.

Ежегодно, ещё будучи студентом, участвуя в студенческих фольклорных научных экспедициях, он возвращался с хорошим «уловом» и ценными находками: эпические песни, легенды, предания, сказки, пословицы и поговорки, загадки, арабоязычные и арабографические рукописи поэтов, учёных прошлых эпох. Так он в студенческие годы пристрастился к научно-исследовательской работе: выступал с докладами, сообщениями на заседаниях литературных кружков факультета, выполнял курсовые и дипломные работы на основе собранных материалов по неизученным темам, а также стал публиковаться в республиканской печати со статьями, посвящёнными литературе, истории и театру.

Одна из первых публикаций студента Абдул-Кадыра – рецензия на спектакль Кумыкского театра по Р.Тагору «Дочь

Ганга» - вышла в газете «Комсомолец Дагестана» в 1956 году. С этого времени идёт счёт его публикаций...

Позади университет. А.-К.Ю.Абдуллатипов работает учителем Османьюртовской школы Хасавюртовского района, а затем и директором Таркинской средней школы. Он полюбил педагогическую работу, стал отличным знатоком школьного дела, но тяга к исследовательской деятельности не покидала его ни на день. И вот сбылась мечта молодого специалиста. По приглашению А.Ф.Назаревича он стал преподавателем кафедры дагестанской литературы ДГУ, которую в те годы возглавлял известный учёный А.Г. Агаев. А.-К.Ю.Абдуллатипов под руководством заведующего кафедрой, профессора А.Г.Агаева пишет и защищает в 1969 году кандидатскую диссертацию по теме «Поэтическое творчество Темирбулата Бейбулатова».

Предметом многолетних поисковых работ и раздумий молодого исследователя стало творчество выдающегося кумыкского поэта, театрального деятеля, переводчика, драматурга, издателя, фольклориста и музыканта и художника Т.Бейбулатова, который в расцвете творческих сил был репрессирован в 30-е годы минувшего века и погиб в лагере для заключённых в г. Караганда...

И в последующие годы вдумчивый исследователь скрупулёзно собирал письма, сотни документов, воспоминаний, свидетельств, связанных с жизнью и творчеством Т.Бейбулатова, поработал во многих архивах у нас в республике и за её пределами. В результате чего он написал научную биографию, проанализировал многогранное творчество талантливого художника слова, вернул народу в книгах – «Темирбулат Бейбулатов». (Махачкала, 1995 г.) и «Художественный мир Темирбулата Бейбулатова». (Махачкала, 2005) – незаслуженно преданное забвению его доброе имя и оригинальное творческое наследие.

Став кандидатом наук, а затем доцентом, А.-К.Ю.Абдуллатипов, успешно совмещая научную работу с педагогической, уже на новом уровне продолжает поисковую и исследовательскую работу. Его теперь занимают проблемы возникновения, развития кумыкской литературы, а также формирования творческих методов в кумыкской литературе. По

этой теме учёный издал множество статей, несколько монографических исследований, выступал на конференциях, симпозиумах и в других научных центрах страны. Здесь можно назвать некоторые из его работ, получивших положительные отзывы в печати. Это – «Эволюция творческого метода в кумыкской литературе» (1979); «Формирование исторических форм реализма в кумыкской литературе XIX века» (1981); «Формирование социалистического реализма в кумыкской литературе» (1982); «Литература правды жизни» (1984) и др.

Солидные публикации учёного привели его к намеченной цели – защите диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук по теме: «Развитие творческих методов в кумыкской литературе». А случилось это в 1987 году в Алма-Ате.

В названных работах учёного на фоне литератур народов Дагестана, Кавказа и других регионов нашей страны показано движение кумыкской литературы от Средневековья к Новому времени, а в новых исторических условиях прослежено развитие литературы от романтизма к реализму. Тем самым А.-К.Ю.Абдуллатипов воспроизвёл путь, по которому шла к зрелости кумыкская словесность.

Для обоснования и подтверждения своих теоретических положений и выводов учёный широко привлекает произведения классиков кумыкской литературы: Умму Камала, Мухаммада Аваби Акташи, Абдурахмана Какашуринского, Ёырчи Казака, Магомед-эфенди Османова, Абусуфьяна Акаева, Ансара Кадиева, Маная Алибекова, Джамалудина Ханакаева, Нухая Батырмурзаева, Темирбулата Бейбулатова, Абдурахмана Казиева, Наби Ханмурзаева, Юсупа Гереева и др. Многие произведения названных поэтов и писателей учёный впервые вводит в научный оборот. Фактически с именем А.-К.Ю.Абдуллатипова связано введение в «большую» науку лучших произведений вышеназванных художников слова.

В своих работах исследователь широко использует примеры и из литератур народов Дагестана, Кавказа, России, Среднего и Ближнего Востока. Типология, параллели, сопоставления делают наблюдения и выводы в его работах более весомыми и убедительными. Труды Абдуллатипова вслед за фундаментальными работами академика Г.Г.Гамзатова подняли

дагестанское литературоведение на новую высоту и привлекли к ним внимание многих видных литературоведов страны.

В перестроечные годы А.-К.Ю.Абдуллатипов вплотную занялся исследованием и возвращением народу творчества и других незаконно репрессированных и забытых художников слова кумыкского народа: Абусуфьяна Акаева, Абдуллы Баширова, Ансара Кадиева, Дадава Магомедова, Джамалдина Ханакоева, Юсупа Гереева.

А.-К.Ю.Абдуллатипов осуществил публикации произведений ранее не издававшихся или мало издававшихся авторов. Так он совместно с К.Ханмурзаевым подготовил и дважды издал двуязычный сборник Ёырчи Казака в серии «Дагестанские лирики» (1989, 2001), а в 2010 г. издал сборник произведений Ё.Казака, сопроводив оригиналы подстрочниками на русском языке, а также подготовил и выпустил два сборника произведений Т.Бейбулатова, дастан А.Акаева «Тахир и Зухра», этнографический очерк М.Алибекова «Адаты кумыков», стихи и поэмы А.Кадиева, Д.Магомедова, Дж.Ханакоева и др. Он один из составителей антологии кумыкской поэзии «Дослукъ» (Махачкала, 1980), «Литература народов Северного Кавказа» (Пятигорск, 2003), автор четырнадцати статей о кумыкских поэтах, писателях общей статьи о кумыкской литературе (Литературы народов России. XX век: Словарь. М., 2005).

В разные годы А.-К.Ю. Абдуллатипов опубликовал статьи за рубежом, в центральных и региональных журналах Москвы, Уфы, Ростова, Пятигорска, Риги, Алма-Аты, Баку, Анкары. Такая широта географии научных публикаций учёного свидетельствует об актуальности и значимости проблем, поднимаемых им.

И в постсоветские годы активно работает в литературоведении, по-новому осмысливает историю и различные этапы развития кумыкской художественной словесности. Так изданы его книги: «История кумыкской литературы до 1917 г. (1995), «Художественный мир Темирбулата Бейбулатова» (2005), подготовил к изданию монографии «История кумыкской литературы с 1917-1930-е годы», «История кумыкской литературы», Т.1.

Литературоведческие работы учёного свидетельствуют о том, что А.-К.Ю.Абдуллатипов в течении долгих лет упорной и

кропотливой работы сумел по крупицам собрать, реконструировать и воссоздать историю кумыкской литературы с древнейших времён до наших дней, установить многие общие закономерности развития истории и других литератур Дагестана, само существование которых отрицалось литературоведением до 30-40-х годов прошлого столетия.

Больше того, наблюдения и выводы исследователя, сформированные на основе анализа конкретной национальной литературы, имеют общетеоретическое значение, так как он выявляет не только специфику национального литературного развития Дагестана, но и общие типологические закономерности литературного процесса, характерного и для Ближнего, Среднего и Российского Востока. Для подтверждения сказанного достаточно ознакомиться с одной из последних работ учёного «Средневековая литература кумыков» (2011), написанная совместно с литературоведом Шабаетовой Л.А.-К.

А.-К.Ю. Абдуллатипов не только продуктивный учёный, но и педагог по призванию, организатор науки.

Вот уже более пятидесяти лет как он успешно сочетает научно-исследовательскую работу с педагогической деятельностью. Около тридцати лет руководя кафедрой литератур народов Дагестана Даггосуниверситета, он разработал и читает курсы лекций по дагестанской, кумыкской, арабской, иранской и турецкой литературам, спецкурсы по актуальным проблемам дагестанской литературы и литературоведения. Он также является автором многих вузовских и школьных учебников, хрестоматий, методических пособий и многочисленных программ по учебным дисциплинам. В соавторстве с другими он десятки лет создаёт и издаёт школьные учебники-хрестоматии по кумыкской (8,9,11 классы) и дагестанской литературе (11 класс).

Как член СП Дагестана и член редколлегии журналов «Тангчолпан», «Къарчыгъа» проводит большую общественную работу, как в нашей республике, так и за её пределами.

Под руководством профессора А.-К.Ю.Абдуллатипова защищены более 30 диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора филологических наук. Благодаря его усилиям в качестве председателя благотворительного фонда

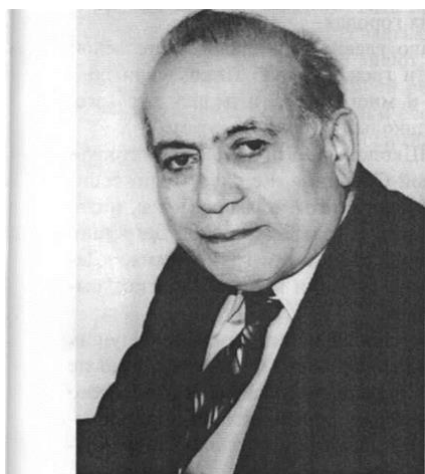
имени Й.Казака в центре Махачкалы установлен замечательный памятник великому поэту (скульптор А.-Г.Сагидов).

А.-К.Ю.Абдуллатипов – прекрасный семьянин. Он вырастил трёх сыновей и дочь. Дочь Лейла и сын Рустам пошли по стопам отца – стали кандидатами филологических наук (к тому же дочь уже более десяти лет заведует кафедрой дагестанской литературы ДГПУ), а сыновья Нариман и Нажмутдин также получили высшее образование, все они имеют свои семьи и воспитывают детей.

Пожелаем же учёному-педагогу, неутомимому труженику, общественному деятелю и человеку с большой буквы Абдул-Кадыру Юсуповичу Абдуллатипову крепкого здоровья, кавказского долголетия. Пусть каждая последующая весна принесёт ему ещё больших успехов.

**Джамалов К.Э.,
доктор филологических наук,
профессор кафедры методики преподавания
русского языка и литературы ДГУ**

ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ СИВРИДИ

Доценту кафедры методики преподавания русского языка и литературы Георгию Николаевичу Сивриди - 80. Вся его сознательная жизнь – а это почти 60 лет – связана с Дагестанским государственным университетом.

Закончив с отличием пединститут (теперь - университет) в 1954 году, отработав два года учителем и завучем в сельской школе, он вернулся в альма-матер и прошел здесь путь от ассистента до доцента, заведующего кафедрой.

Первые два года он совмещал преподавательскую работу с работой секретаря комитета комсомола, дважды выезжал в качестве командира студенческих отрядов в Казахстан на уборку целинного урожая. Потом большая общественная работа: секретарь факультетского партбюро, член парткома университета, редактор многотиражной газеты...

В 1975 году сам изъявил желание быть куратором 1-ого курса (редкий случай в преподавательской практике) и с тех пор был им четверть века. Выпускники филфака 1980, 1985, 1990, 1995 и 2000 годов до сих пор считают его своим куратором. Многим из них есть что вспомнить: и встречи с интересными людьми, и вечера отдыха, и походы, и поездки в Пятигорск, Тбилиси, Ленинград...

Как член парткома, Г.Н. Сивриди отвечал за художественную самодеятельность. Выпускники 50-70-ых помнят и академический хор, и танцевальный коллектив, и оркестр народных инструментов. По его инициативе появились страдные коллективы, ставший широко известным ансамбль «Эврика», СТЭМ (студенческий театр эстрадных миниатюр), прообраз КВНа.

Самодеятельным артистам аплодировали в Москве и Киеве, в Баку и Грозном, в Орджоникидзе и Нальчике; их знали и тепло принимали во всех дагестанских городах.

Все это, однако, не мешало главному - преподавательской работе. Сам по национальности грек, Георгий Николаевич родным языком считает русский и много делал и делает для того, чтобы привить интерес к нему школьникам и студентам.

Много лет он руководит Школой юного филолога, которую справедливо называют «Школой Сивриди». Ее слушатели, собиравшиеся поступать на разные факультеты, в разные вузы, подавали потом документы на филфак. В газете «Орленок-Дагестан» печатались статьи под рубриками «Как стать грамотным», «Давайте говорить правильно». Были статьи и в других газетах, выступления по радио и телевидению.

Он много делает для профессиональной подготовки будущих словесников, помогает молодым специалистам, стажерам. Многие годы читает лекции на курсах повышения квалификации, часто выступает с докладами на семинарах руководителей методобъединений, на заседаниях методобъединений в школах. К нему часто приходят, звонят. Звонят не только учителя, но и редакторы, корректоры газет и журналов.

Работая в вузе, Г.Н. Сивриди постоянно думает о школе. Будучи руководителем педпрактики, он часами пропадал в школе. А на 70-ом году принял приглашение дирекции лицея №39 и около 10 лет преподавал там культуру речи, стилистику, риторiku.

Большинство преподавателей русского языка университета считают его своим наставником.

Добросовестный труд ветерана не оставался незамеченным: в его трудовой книжке десятки благодарностей, он награждался не раз Почетными грамотами, награжден медалями как ветеран войны и труда. Он - заслуженный учитель Республики Дагестан. Но главной наградой считает память, уважение и любовь своих учеников.

Бывший ученик Башлыкентской средней школы, ныне профессор ДГПУ Мустафаев М.Б. в газете «Махачкалинские известия» пишет: «Дорогой наш, в своем роде единственный и неповторимый учитель Георгий Николаевич! Именно вы сыграли самую глубокую, определяющую роль в личностном, профессиональном становлении многих и многих молодых людей, что невозможно словами оценить. Но необходимо всегда помнить, и пусть об этом знают все, что Ваш Божий дар, его первые и самые «вкусные сливки» к нашему счастью, достались нам - вашим первым ученикам. Сегодня вас знают, уважают, ценят и любят во всей системе образования нашей республики. Мы не один раз в году, а постоянно выражаем вам свою искреннюю благодарность и самое главное – просим у Всевышнего для вас здоровья, здоровья и еще раз здоровья!»